

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

БК

Эмилио
Сальгари

ЧЕЛОВЕК ОГНЯ
СОКРОВИЩЕ
ГОЛУБЫХ ГОР

АЗБУКА

Мир приключений. Большие книги

Эмилио Сальгари

**Человек огня.
Сокровище Голубых гор**

«Азбука»

1904, 1907

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Сальгари Э. К.

Человек огня. Сокровище Голубых гор / Э. К. Сальгари —
«Азбука», 1904, 1907 — (Мир приключений. Большие книги)

ISBN 978-5-389-35460-9

Действие приключенческих романов «Человек огня» и «Сокровище Голубых гор» итальянского мастера авантюрной прозы Эмилио Сальгари происходит в эпоху освоения европейцами Нового Света. Отчаянные головы устремляются к диким, еще неизведанным берегам Южной Америки, в непроходимые джунгли, полные опасностей и загадок. Исторический контекст эпохи Великих географических открытий, колониальных завоеваний и соперничества европейских держав придает повествованию дополнительную интригу и остроту. Проза Эмилио Сальгари, чьи произведения сравнивают с романами Жюль Верна, Роберта Льюиса Стивенсона, Фенимора Купера, в полной мере передает тот дух беззаветной отваги, неистощимой энергии, находчивости и дерзости, свойственный героям приключенческой литературы рубежа XIX–XX веков. «Человек огня» рассказывает о судьбе двух мореплавателей, выживших после крушения португальского торгового судна: благородного сеньора Альваро де Корреа и корабельного юнги Гарсиа. Им предстоит как борьба за выживание в дикой природе Бразилии, кишящей ядовитыми змеями, насекомыми, растениями и хищным зверьем, так и рискованное взаимодействие с туземцами. «Сокровище Голубых гор» – захватывающая история поиска сокровищ древней цивилизации. Она начинается, когда корабль Фернандо де Бельграно терпит крушение у берегов Новой Каледонии и чудом спасшийся герой попадает к местным племенам. Со временем он даже становится их вождем, но все это время тоскует по далекой родине и детям, выросшим без него. Уже в конце своих дней он получает возможность послать весточку семье. И вместе с письмом отправляет карту неизведанной страны. Издание сопровождают классические иллюстрации Альберто Делла Валле и Джованни Баттиста Карпанетто.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-35460-9

© Сальгари Э. К., 1904, 1907
© Азбука, 1904, 1907

Содержание

Человек огня	8
У берегов Бразилии	8
Людоеды	14
Нападение людоедов	19
На берегу	25
В бразильском лесу	33
Бразильские болота	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эмилио Сальгари
Человек огня. Сокровище Голубых гор

Emilio Salgàri

L'UOMO DI FUOCO.

IL TESORO DELLA MONTAGNA AZZURRA

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

МИР
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Эмилио Сальгари

ЧЕЛОВЕК ОГНЯ
♦
СОКРОВИЩЕ
ГОЛУБЫХ ГОР

Санкт-Петербург

Человек огня

У берегов Бразилии

– Впереди земля! Подводные рифы с левого борта!..

Этот громкий крик, раздавшийся с мачты, на которую взобрался один из матросов, несмотря на ужасающую качку, заставил побледнеть моряков, собравшихся на палубе каравеллы.

Берег в этих широтах не представлял для них спасения. Если бы даже волны, грозящие ежеминутно разбить в щепки маленькое судно, пощадили их, то на берегу их ожидала страшная опасность, если не верная смерть.

В девственных лесах, покрывавших этот берег, обитали племена каннибалов, и немало экипажей с кораблей, потерпевших крушение у этих берегов, нашли там свою гибель.

Неудивительно поэтому, что все матросы каравеллы тотчас же повскакивали со своих мест, как один человек, как только слышали крик их товарища, и бросились к носовой части судна, напряженно всматриваясь в затянутый тучами горизонт.

– Где земля, которую ты видел? – крикнул старый моряк, подняв голову и глядя на матроса, очень ловко удерживавшего равновесие на мачте, качающейся вместе с судном.

– Там!.. Прямо против нас... берег... островки... подводные скалы.

– Товарищи! – проговорил взволнованным голосом старик. – Приготовьтесь предстать перед Господом Богом теперь!..

Каравелла неслась к берегу по воле ветра, швырявшего ее во все стороны. Она уже более не управлялась рулем, и ее паруса висели лохмотьями.

– Разве руль тоже сломан? – спросил красивый высокий юноша, аристократическая наружность которого составляла резкий контраст с загорелыми и огрубелыми лицами моряков каравеллы.

– Да, сеньор Альваро. Его сорвало волной за несколько минут перед тем, как марсовый увидел землю.

– А нельзя его заменить другим?

– В такой шторм?.. Нет, это был бы напрасный труд.

– Но каким же образом мы очутились теперь в виду берега?

– Не знаю. Буря свирепствует уже трое суток и уносит нас все дальше к югу.

– А можете вы сказать, что это за земля перед нами?

– Думаю, что Бразилия.

На лице юноши появилась недовольная гримаса.

– Мне совсем не нужно туда, – сказал он с неудовольствием. – Бразилия – это не Порто-рико, не Сан-Сальвадор и не Дариен, господин лоцман. Я ожидал, что попаду в Мексиканский залив, но никак не сюда. У меня нет никаких дел с этими дикарями, имеющими отвратительную привычку сажать на вертел людей, принадлежащих к белой расе.

– Боюсь, сеньор мой Альваро де Корреа, что вас дождутся совсем не те, кто вас ждет...

– Э! Ведь мы еще даже не потерпели крушения и не попали на вертел к людоедам... Позаботьтесь о том, чтобы каравелла не разбилась вдребезги у этих берегов.

– Мы сделаем все, что в наших силах, хотя надежды на успех мало.

Старый лоцман был прав, не питая надежды на спасение маленького суденышка.

Перед глазами злополучных мореплавателей расстилалось огромное пространство бушующего океана, по поверхности которого они носились уже долгих три дня, обреченные, по-

видимому, на верную гибель. Громадные валы с оглушительным грохотом обрушивались на утлое суденышко, грозя ежеминутно поглотить его вместе со всем экипажем.

В 1535 году – время, к которому относится этот рассказ, – все торговые суда, за исключением больших галер, имели весьма скромные размеры. Такие огромные суда, какие существуют теперь, были тогда совершенно неизвестны. Между тем тогдашние мореплаватели не колебались предпринимать на своих небольших кораблях огромные путешествия и отправлялись на них в Америку и даже в Восточную Индию.

Небольшая каравелла, которую буря загнала к берегам Бразилии, тогда еще совсем малоизвестной земли, всего за три месяца перед тем покинула берега Португалии. Ее экипаж состоял из двадцати семи человек и одного пассажира, а назначением была Западная Индия. Но, как это часто случалось в те времена, когда искусство мореплавания, несмотря на отвагу и смелость португальских, испанских и итальянских моряков, стояло еще на довольно низкой ступени, судно уклонилось в сторону от своего первоначального пути, и буря загнала его далеко к югу, прямо к берегам Бразилии. Злополучная каравелла, без руля и парусов, с разбитой палубой и бортами, не могла уже более противиться ярости волн и ветра, гнавших ее прямо к берегу, который увидел матрос с мачты. Впрочем, никто, кроме него, еще не видел этой земли, так как быстро наступившая ночная мгла окутала все кругом и сделала горизонт непроницаемым для глаз моряков. Однако положение каравеллы не стало от этого лучше. Дни, даже часы судна были сочтены, и если бы волны не выбросили его на берег, то все равно разбушевавшееся море должно было бы поглотить его рано или поздно.

Старый лоцман, не раз пересекавший Атлантический океан, нисколько не обманывался насчет участи судна и как опытный человек тотчас же стал принимать все меры к тому, чтобы крушение не имело чересчур гибельных последствий. Он снарядил две шлюпки, нагрузил их всеми необходимыми припасами и, главным образом, оружием, так как знал, что бразильские берега населены очень воинственными племенами антропофагов, затем велел срубить обе мачты каравеллы, чтобы сделать судно более легким и воспользоваться одной из мачт как рулем или веслом, при помощи которого можно было бы направлять судно.

Все это происходило среди всеобщего смятения и растерянности. Казалось, все потеряли голову. Впрочем, не все: Альваро де Корреа, несмотря на свои молодые годы, не терял хладнокровия и участвовал во всех этих приготовлениях, ничем не выдавая своего волнения или тревоги.

– Мы готовы, лоцман? – спросил Альваро беспечно-шутливым тоном, когда обе шлюпки были нагружены всем необходимым.

– Да, сеньор, – отвечал лоцман, старавшийся разглядеть берег, несмотря на сгустившуюся темноту.

– Полагаю, что вы не намерены теперь же покинуть судно?

– Мы еще не коснулись берега.

– Скажите, разве нет уже никакой надежды спасти судно? – спросил Альваро.

– Никакой, сеньор. Судно обречено на неизбежную гибель.

– Превосходная перспектива! Хорошо еще, что нам придется иметь дело с дикарями. По крайней мере, это будет интересно.

– Не шутите, сеньор Альваро, – заметил ему лоцман серьезным тоном. – Теперь не время для этого!

– Что ж, вы хотите, чтобы я плакал?

– Мы стоим теперь лицом к лицу со смертью...

– Ну, эту госпожу мы возьмем за шиворот и выбросим вон раньше, чем она успеет что-нибудь сделать нам! – смеясь, воскликнул юноша.

Лоцман искоса поглядел на него.

– Грубые шутки! – проворчал он себе под нос. – Посмотрим, как-то вы посмеетесь, когда море поглотит вас или когда дикари посадят вас на вертел!

Каравелла на гребне громадного вала неслась навстречу скалам, которые видел марсовой матрос, но так как стало совсем темно, то нельзя было определить, как близко находились эти скалы. Темнота, конечно, усиливала гнетущую тревогу экипажа. Судно швыряло в волнах, точно щепку, а люди, перепуганные до смерти, старались удержаться, чтобы не упасть в воду, и с замиранием сердца ожидали последнего удара. Лица у всех были бледные, в глазах отражался смертельный ужас. В этот момент, когда смерть казалась так близка, они давали разные обеты, вызывавшие насмешливую улыбку на равнодушном лице юноши, слишком хорошо знавшего матросов, чтобы принимать на веру их обещания.

Прошло полчаса. Вдруг молния на мгновение пронизала мрак, и хотя это продолжалось только миг, но люди увидели достаточно, чтобы определить положение каравеллы. Она находилась у входа в глубокий залив, усеянный островками и окруженный высокими холмами, покрытыми лесом и громадными утесами. Справа и слева виднелись верхушки подводных скал, о которые с яростью разбивались волны.

Несмотря на все свое хладнокровие и мужество, Альваро не мог сдержать досаду.

– Дорогой мой лоцман, – сказал он, обращаясь к старому моряку, – мне кажется, что никому из нас уже не придется больше сражаться с африканскими маврами или совершать паломничество в Иерусалим. Мы должны теперь приготовиться к путешествию в другой мир...

– Слушайте! – крикнул кто-то.

– Черт возьми! Это волны разбиваются о рифы.

– Какой толчок!.. Киль стукнулся о подводный камень...

Лоцман бросился на палубу с криком:

– Скорее спускайте лодку! Судно сейчас разобьется в щепки...

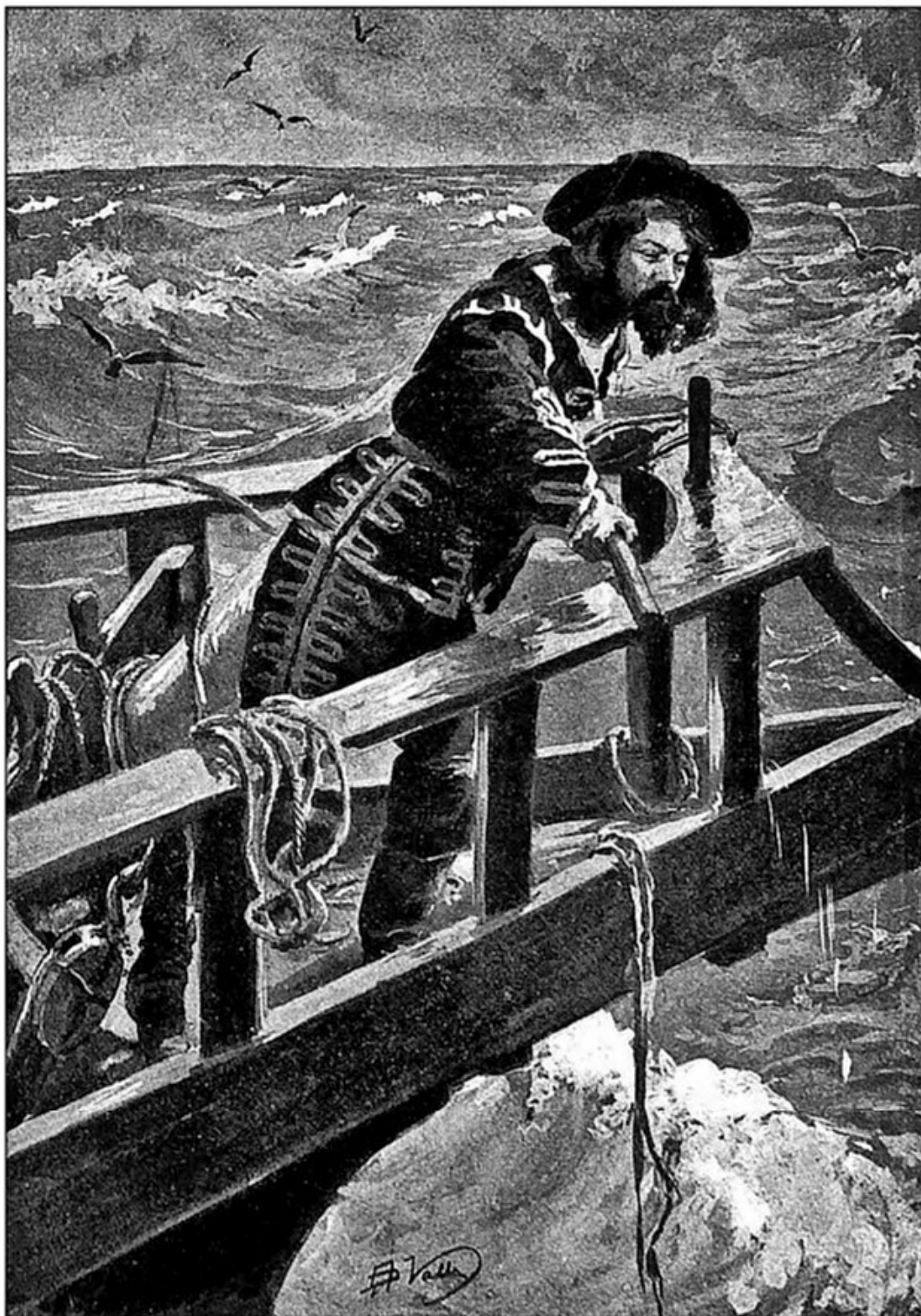
– Страх затуманил ему рассудок, – заметил Альваро. – Каравелла не может противостоять этим ударам, а он думает, что выдержит лодка! Уж конечно, не я отправлюсь на ней...

Смятение на палубе достигло высшей точки. Все двадцать семь моряков в беспорядке бросились к лодке, торопясь занять места поскорее и отталкивая друг друга, так как одна лодка не могла вместить всех. Другая же была слишком мала, и ее никто не решился спустить на воду. Все равно она не могла бы бороться с разъяренными волнами и тотчас устремилась бы ко дну.

Молодой Корреа не принимал участия в общей суматохе. Он удалился на корму, представлявшую более возвышенную часть судна и поэтому не заливаемую волнами, и оттуда старался рассмотреть положение корабля и определить, есть ли какие-нибудь шансы на спасение.

Мало-помалу он различил очертания бухты, усеянной бесчисленными островками, так как горизонт начал светлеть ввиду приближающегося рассвета, и даже разглядел один большой остров, поросший лесом.

Между тем матросам удалось спустить шлюпку, но она грозила разбиться о борт судна. Некоторые из матросов, невзирая на опасность, прыгнули в шлюпку с палубы, другие же, последовавшие их примеру, оказались не так удачливы, попадали в воду и моментально были унесены волнами. Для оказавшихся в шлюпке это было счастьем, так как лодка не вмещала всех людей, а перегруженная могла пойти ко дну со всеми своими пассажирами.

Шлюпка отчалила от каравеллы, когда огромная волна подхватила ее и понесла прямо-ком на подводные скалы. Альваро подумал, что она погибла, но вдруг увидел, что шлюпка снова оказалась на гребне волны, и услышал голос лоцмана, кричавшего ему:

– Сеньор Корреа, на судне остался юнга... Если можете, помогите ему!..

– Юнга? – воскликнул Корреа, оглядываясь кругом. – Где же он? Я его не вижу... Верно, он спрятался куда-нибудь. Потом я его найду...

Корреа сосредоточил все свое внимание на лодке, ожидая ежеминутно, что ее поглотят волны. Но, по-видимому, судьба покровительствовала шлюпке. Несмотря на ярость волн, лодка держалась на поверхности, выныривая, точно пробка, и взбираясь на гребни валов. Она миновала уже вторую подводную скалу и приближалась к берегу, толкаемая веслами и волнами. Однако моряки все еще не могли считать себя спасенными. Берег выглядел неприступным, отвесно возвышаясь над водой, и был опоясан рифами, кое-где выступавшими из воды.

– Разобьется вдребезги! – прошептал Корреа. – По-видимому, я в большей безопасности на этих обломках, нежели они там, на лодке. Каравелла все-таки еще держится хорошо, и я успею подумать о своем спасении.

С каждой минутой становилось светлее, и Корреа мог не терять из виду лодку. Скоро солнечные лучи прорезали тучи и осветили берег и пенящиеся волны кругом.

Но шторм не затихал, и волны по-прежнему вздымались высоко и яростно ревели. Между тем лодка приблизилась к берегу, и Корреа с замиранием сердца ожидал, что волны поглотят всех, сидевших в ней.

«Мне не следовало отпускать их! – говорил он себе. – Впрочем, разве они послушались бы меня? Они бы взбунтовались и, конечно, поступили бы по-своему... Будем надеяться, что некоторым из них удастся все-таки спастись!»

Лодка находилась уже метрах в тридцати от берега, к которому пристать было невозможно. Корреа видел, как моряки напрягали усилия, чтобы избежать ударов о скалы. Но все было тщетно. Огромная волна подхватила лодку. На мгновение она ее подняла на гребне, и затем вдруг шлюпка исчезла среди пены... Сквозь рев ветра и шум волн к Альваро донесся крик, и он увидел людей, барахтающихся в волнах. Затем все скрылось в пенящейся бездне, и в этот момент корма каравеллы как-то разом опустилась, как будто судно готово было переломиться надвое.

– Неужто и для меня пробил последний час? – прошептал Корреа. – Придется искать спасения на одном из этих камней.

Он спустился на нижнюю палубу и вдруг услышал приглушенный плач, доносившийся из запертой каюты.

– Уж не юнга ли это? Должно быть, он там полумертв от страха!..

Корреа спустился по трапу, крепко держась за поручни, чтобы его не сшибло с ног волнами, которые заливали судно.

– Кто это там плачет? – крикнул Корреа у дверей каюты, где уже было по колено воды.

– Отоприте, сеньор! – послышался чей-то голос.

– Где ты?

– Я заперт в каюте.

– Кто же это запрятал тебя туда? Хорошее дело, нечего сказать!

Корреа вышиб дверь одним ударом и увидел мальчика лет четырнадцати, который бросился наружу с криком:

– Тонем! Бегите, сеньор!.. Спасайтесь!

Увидев только одного Корреа, юнга остановился и, держась за переборку, спросил:

– Где же все?

– Все уплыли, мальчуган, – отвечал Корреа.

– Мы одни?

– Совершенно верно.

– Теперь понятно, почему этот злодей Педро запер меня в каюте! Он боялся, что я перегружу шлюпку, если займу в ней место.

– В таком случае он ничего не выиграл, мой милый Гарсиа. Я видел, как он разбил себе голову о камни.

– Совсем все уплыли?

- Да. Ни один не остался.
- Они смогли высадиться на берег, сеньор Корреа?
- Не знаю. Но я бы не поменялся с ними. Если даже кому-то удалось доплыть до берега, волны их сильно потрепали.
- И с нами будет то же самое, сеньор.
- Ты так думаешь?
- Вода прибывает, и в каютах она уже стоит на два фута.
- Ну, она еще не так-то скоро зальет палубу. Ты боишься?
- С вами – нет, сеньор Корреа.
- Пойдем же посмотрим, не можем ли и мы попробовать добраться до берега!
- Там еще должна быть маленькая лодочка...
- Мы ее пока оставим, мальчуган. Она не годится при таких волнах. Впрочем, неизвестно, может быть, ее уже унесло в море... Во всяком случае, Гарсиа, будем надеяться, что мы счастливее других...

Людоеды

Диего Альваро Виана де Корреа, сыгравший впоследствии такую важную роль в деле колонизации Бразилии и возбудивший столько любопытства своими необыкновенными приключениями, столько толков в португальских придворных кругах и при дворе Генриха II, короля Франции, – родился как раз в то время, когда вся Европа была потрясена необычайными открытиями в Америке и восхищена дерзновенной отвагой, которую выказали португальцы в Восточной Индии. Альваро уже с ранних лет начал увлекаться героическими подвигами конквистадоров и в юношеском возрасте совершил несколько путешествий вдоль африканского побережья. Он сражался с маврами, которые там господствовали в то время, и проявил необыкновенное для своих лет мужество и хладнокровие. Но его всегдашней мечтой было отправиться в Америку или Индию, где его соотечественники добывали себе славу, царства и баснословные богатства.

Долгожданный случай наконец представился и ему. Он узнал, что одна каравелла отправляется с грузом на Антильские острова под управлением очень опытного лоцмана. Это было маленькое судно, но в те времена не строили таких больших судов, как теперь, португальские же и испанские моряки не боялись предпринимать очень продолжительные морские путешествия в Азию и Америку на таких утлых суденышках, на которых сегодня никто не решился бы выйти просто в открытое море.

Альваро Корреа, воодушевленный рассказами старых моряков, мечтал также о завоевании какого-нибудь царства, подобно Писарро или Кортесу. К несчастью, буря загнала каравеллу, на которой отправился Альваро, слишком далеко к югу, в сторону от намеченного пути. Тридцать пять лет тому назад Кабраль, отправляясь в Восточную Индию, был занесен бурей к берегам совершенно неизвестной тогда Бразилии, а теперь такая же участь постигла Альваро, который также случайно очутился у бразильских берегов.

Когда Альваро вместе с юнгой выбрались на палубу, каравелла опять накренилась к подводной скале, куда ее гнали волны, грозя ежеминутно разнести в щепки. Но Альваро все еще надеялся, что судно выдержит шторм и ему удастся направить его в защищенную бухту между скалами.

– Мы могли бы там подождать окончания бури, – сказал он, – а потом выстроили бы из остатков судна плот, чтобы на нем переплыть этот залив.

– Я хороший пловец, сеньор Корреа, – заметил юнга.

– И я тоже. Но я вовсе не имею желания попасть на обед акулам. Я слышал, что у берегов Бразилии они водятся в огромном количестве. А ведь ты знаешь, какие это свирепые твари!

– А где же наши товарищи?

– Я, сколько ни высматриваю, нигде не могу разглядеть их.

– Неужели они все погибли?

– Не думаю. Они, вероятно, спрятались в этом лесу, чтобы их не заметили дикари.

– Они злые, эти дикари, сеньор?

– Они пожирают мореплавателей, которых океан выбрасывает им на берег.

Юнга так сильно задрожал, что Альваро обратил на это внимание и сказал:

– Я тебя напугал, мой маленький Гарсиа?

– Да, сеньор, мне очень страшно. Один мой дядя был моряком. Он плавал вместе с Кабралем и его сожрали индейцы в Бразилии тридцать пять лет тому назад...

– Не падай духом, дружок! Ведь мы еще не попали к ним в лапы. И потом, мы ведь не высадимся на берег без оружия. У нас есть ружья и несколько бочонков пороха. Давай посмотрим, где мы находимся в настоящую минуту.

Корреа оставил юнгу и взобрался на возвышенную часть кормы, держась за борт. Он даже встал на канатный ящик, чтобы лучше рассмотреть окрестности, и невольный возглас восторга вырвался у него при виде той картины, что развернулась перед его глазами.

Буря загнала каравеллу в залив такой необычайной красоты, что Корреа ничего подобного не встречал нигде. Слева от входа в бухту возвышался прелестный большой остров, поросший кокосовыми пальмами, а посередине были разбросаны маленькие островки один живописнее другого, представлявшие настоящие роскошные сады, покрытые богатой растительностью. Несколько речек вливались широкими устьями в море, чьи бурные волны как будто старались оттолкнуть назад воду, приносимую ими.

– Что за чудная страна! – воскликнул Альваро. – Я раньше не заметил этого. Жаль только, что ее населяют свирепые людоеды, которые, как говорят, питают особенное пристрастие к мясу белых людей. Во всяком случае, это для них редкое блюдо, которым они нечасто могут лакомиться в этих местах... Посмотрим, однако, не спасся ли кто-нибудь из наших матросов?

Альваро влез на обломок главной мачты, еще уцелевшей на каравелле, и сделал это с такой ловкостью, что даже привел в изумление юнгу. С этой высоты он мог осмотреть весь залив и даже ближайший берег, находившийся на расстоянии нескольких миль.

У подножия высокой скалы Альваро увидел разведенный костер, вокруг которого сидели почти голые люди и сушили свои одежды.

– Матросы с каравеллы! – весело воскликнул Альваро. – Как я рад, что многие из них спаслись! А я думал, что волны уже поглотили их всех.

Он приложил ладонь рупором ко рту и громовым голосом крикнул:

– Эге!

Спасшихся было двенадцать человек, многие из них прихрамывали. Старый лоцман находился там же. По-видимому, он пострадал меньше других.

– Сеньор Корреа! – крикнул он в ответ, подождав, когда волна отхлынула и шум несколько затих. – Что, судно тонет?

– Нет, держится.

– Прыгайте в воду и плывите к нам.

– Сейчас мне и здесь весьма хорошо, и я не сойду с корабля, пока не уляжется буря.

– Смотрите, чтобы вас не унесло в море. Атлантический океан очень свиреп.

– Постараюсь быть осторожным.

– Если сумеете, то приготовьте по крайней мере плот.

– Я это сделаю. Прощайте, лоцман, и смотрите не попадитесь в руки дикарям.

Альваро спустился на палубу, где его со страхом ожидал юнга.

– Пока все идет хорошо, – сказал ему Альваро. – Поищи-ка топор, и начнем строить плот. Ураган понемногу стихает, и, пожалуй, мы сегодня же вечером попробуем пристать к берегу, не подвергаясь никакому риску.

– В каюте лоцмана есть топоры, – отвечал юнга.

– И в дереве и в веревках у нас нет недостатка... Но мне кажется, что теперь недурно было бы позавтракать. Быть может, найдутся какие-нибудь съестные припасы здесь?

– Я знаю, где кладовая! – воскликнул юнга и тотчас же спустился вниз.

Альваро между тем отправился осматривать судно, чтобы определить, как долго еще оно может выдержать удары волн. Результат осмотра его не порадовал. Судя по всему, каравелла должна была неизбежно пойти ко дну, и вопрос был только во времени.

– Жаль! – воскликнул Альваро. – Можно было бы из обломков построить большую лодку и попытаться достигнуть на ней Антильских островов. Но что мы будем делать на этом берегу, так далеко от места обиталища людей нашей расы? Хотел бы я знать, чем все это кончится для нас?..

Вид юнга, поднимавшегося на палубу с корзинкой в руках, в которой лежали сухари и сало, отвлек его мысли.

– Твои товарищи, наверное, были бы очень довольны, если бы у них была такая еда. Впрочем, на бразильском берегу нет недостатка в плодовых растениях.

Альваро присел на бочонок и только что собрался позавтракать, как вдруг с берега раздался громкий крик лоцмана:

– Сеньор Корреа! Сеньор Корреа!

В голосе старика слышался смертельный ужас.

Альваро, бледный и дрожащий, тотчас же вскочил на ноги и бросился к бакборту, откуда можно было видеть берег, не влезая на мачту.

В этот момент с берега раздалось страшные крики, перешедшие в настоящее завывание. Альваро посмотрел туда, где под прикрытием скалы потерпевшие крушение развели костер. Но там их уже не было. Они бежали в беспорядке вдоль берега, настигаемые стрелами дикарей, пущенными им вдогонку.

– Сеньор! – вскричал юнга, побледневший как смерть. – Они убивают наших товарищей!..

На берегу появилась толпа полуголых дикарей с длинными волосами и головными уборами из перьев. Среднего роста, хорошо сложенные, с кожей, раскрашенной черными и красными полосами, которые придавали им вид настоящих страшилищ. В руках у них были огромные дубины в семь футов длиной, края которых были усажены острыми зубьями, на манер пилы; эти дубины представляли, конечно, грозное оружие, так как одного удара было достаточно, чтобы уложить врага на месте. Другие же были вооружены трубками, из которых они выдували тончайшие стрелы, должно быть обмазанные каким-нибудь ядовитым веществом, так как малейшей царапины такой стрелы было достаточно, чтобы свалить с ног человека.

Бразильцы преследовали бегущих, опасаясь, вероятно, что они уплывут в море, осыпали их стрелами и разбивали им головы своими дубинками. Корреа, не замеченный ими, смотрел на это избиение и в бессильной ярости кричал:

– Остановитесь, каналы! Не то я вас всех перестреляю, когда высажусь на берег!..

Бразильцы, однако, не слыхали его крика и вообще даже не замечали присутствия каравеллы, так они были увлечены преследованием потерпевших крушение моряков. Но погоня за человеческой добычей не могла длиться долго, так как дикари бегали быстрее ланей. Из двенадцати добравшихся до берега моряков осталось только пять, которые взобрались на скалу и оттуда пробовали камнями отражать нападение дикарей. Но вскоре и они были перебиты. Громкий победный крик раздался с берега, когда пятеро оставшихся моряков превратились в кучу окровавленного мяса.

– Негодяи! – ревел Альваро. – Дикие звери, а не люди!

– Сеньор, теперь они доберутся и до нас? – прошептал юнга дрожащим голосом.

– Мне кажется, они нас еще не заметили, – отвечал Альваро.

– Не будем показываться им на глаза, сеньор.

– А я бы хотел, чтобы они пришли! У нас есть ружья. Мы будем защищаться и отомстим за наших товарищей.

– Что они сделают с трупами? – боязливо спросил юнга.

– Съедят, конечно. Смотри!

Бразильцы, подобрав трупы убитых, направились к костру, который был разложен старым лоцманом. Одни занялись собиранием листьев кокосовой пальмы, другие же подбрасывали сухие ветки в костер. Разложив двенадцать трупов в ряд, дикари быстро стащили с них одежды и срезали все волосы при помощи ножей, сделанных из заостренных раковин. Затем, обмыв тела убитых морской водой, они положили их на устроенную из ветвей гигантскую решетку, под которой развели огонь. Когда в воздухе распространился запах жареного мяса, дикари,

взявшись за руки, начали плясать вокруг костра, издавая неистовые крики. Двое или трое из них, однако, не участвовали в пляске и исполняли роль музыкантов, дули изо всех сил в свистульки, очевидно изготовленные из человеческих костей.

– Настоящие дьяволы! – шептал юнга.

– Да, дьяволы, – проговорил с отвращением Альваро. – Я был бы счастлив, если бы мог пушечными выстрелами отправить их в ад.

– А мы, сеньор, будем высаживаться на берег?

– Нам ничего другого не остается, если мы не хотим умереть от голода и жажды или быть унесенными в море.

– А мы не могли бы обогнуть берег Бразилии и достигнуть Мексиканского залива?

– На плоту? Ах, мой милый мальчуган, на плоту мы далеко не уплывем, и так или иначе, а нам пришлось бы высадиться где-нибудь, и мы везде можем стать добычей людоедов.

– Неужели все племена тут едят человеческое мясо?

– Почти все, мой милый.

– Что же нам делать?

– Пока не знаю, – отвечал Альваро. – Давай возьмем ружья и отомстим этим негодьям. Я знаю, что все дикари боятся огнестрельного оружия и бегут от одного звука выстрела. Может статься, что и эти дикари разбегутся. Но пока лучше подождем, пока они уйдут отсюда. Полагаю, что они не останутся здесь, а вернутся в свою деревню.

Между тем с берега снова раздались крики. Это повара, которым поручено было жарить тела белых людей, извещали своих товарищей, что лакомое кушанье готово. Пляска тотчас же прекратилась, и все повернулись к костру, издавая возгласы радости. Полуизжаренные тела были сняты с решетки и положены на гигантские пальмовые листья.

Старик-индеец, на груди которого красовалось ожерелье из зубов хищных зверей, а на руках сверкали золотые браслеты, произнес по этому случаю маленькую торжественную речь и затем, взяв в руки топор, принялся рассекать тела на части, бросая в толпу кому голову, кому руку или ногу, или легкое вместе с ребрами.

– Канальи! – ревел Альваро. – И я не могу прекратить это варварство! Не смотри, Гарсиа, тебе сделается дурно...

Дикари с такой жадностью набросились на еду, точно голодали по крайней мере целую неделю. В короткое время от несчастных моряков ничего не осталось, кроме кучи костей и голов, из которых был извлечен мозг.

Наевшись до отвала, людоеды развалились на берегу под тенью деревьев, предавшись блаженному отдохновению. Только двое или трое, исполняя роль часовых, взобрались на прибрежные скалы для обозрения окрестностей. Наступившая темнота, однако, не рассеяла тревоги Альваро. Он бы предпочел прямое нападение. Конечно, дикарей было слишком много, но, обладая огнестрельным оружием, он мог надеяться держать их в отдалении и, быть может, даже заставить их отказаться от нападения. Но он боялся, что дикари только ожидают подкреплений и тогда произведут атаку на каравеллу.

– Мой бедный мальчуган, мы с тобой не должны смыкать глаз. Эти негодяи не оставят нас в покое.

– Разве они знают, что тут есть еще люди, на каравелле?

– Не сомневаюсь.

– А почему же они теперь не нападают на нас?

– Они, вероятно, ждут лодок. Мне рассказывал наш лоцман, что все береговые жители в Бразилии изготавливают выдолбленные из дерева лодки, которыми они очень искусно управляют.

– О! У меня кровь останавливается в жилах, когда я подумаю, что и мы попадем на обед к этим дикарям.

– Не время падать духом, мальчуган. Если хочешь спасти свою шкуру, то должен помогать мне изо всех сил. Умеешь обращаться с ружьем?

– Да, сеньор. Я сын солдата.

– Тогда пойді принеси сюда все оружие, какое только найдешь на судне. Мы должны подготовиться к обороне. Дикари, конечно, не решатся плыть за нами на своих лодках, пока море не успокоится, поэтому у нас еще есть время.

Несколько приободренный словами Альваро, юнга спустился вниз за оружием. К сожалению, арсенал каравеллы оказался в плохом состоянии. Быть может, в трюме и было спрятано оружие, но его уже залило водой и туда было не добраться. Нашлись только два годных ружья, несколько топоров и шпаг. Но зато патронов оказалось много, и, кроме того, юнга нашел четыре бочонка с порохом и несколько мешочков с дробью. Гарсиа все это принес Альваро, который, осмотрев оружие с видом знатока, сказал:

– Для нас этого будет достаточно. Во всяком случае, мы зададим хороший урок этим проклятым людоедам, если они попробуют атаковать нас.

Положив оружие, Альваро отправился посмотреть, что делают дикари.

Те еще спали под сенью пальмовых деревьев, и только их часовые, взобравшись на высокую скалу, откуда был виден весь залив, обзревали окрестности. Их, впрочем, больше интересовало не море, где дрейфовала полузатонувшая каравелла, а устье большой реки – словно они поджидали чего-то.

– Они ждут свои пироги, я уверен в этом, – сказал Альваро с тревогой в голосе. – Конечно, они не покинут этих мест прежде, чем нанесут нам визит. Не будем терять времени, Гарсиа. Вяжем плот и отчаливаем сегодня же вечером, если океан немного успокоится.

Нападение людоедов

Постройка плота, который мог бы вместить двух человек, не представляла, конечно, особых затруднений, тем более что досок и веревок было достаточно. Времени также потребовалось немного, и скоро плот был готов к спуску. Чтобы спуск прошел легче, Альваро привязал к четырем углам плота пустые бочки. Но едва с постройкой плота было покончено – на что ушло несколько часов, так как ни Альваро, ни Гарсиа не были особенно опытными строителями, – как они услышали отдаленные крики. Альваро с тревогой подумал, что, быть может, прибыли еще дикари. Он посмотрел на берег и увидел, что все лежавшие под пальмовыми деревьями людоеды повскакивали на ноги и окружили скалу, на которой находились часовые. Все оживленно жестикулировали и смотрели куда-то на юг.

Альваро взглянул туда же, и сердце у него тревожно забилося. Из устья одной из пяти впадавших в бухту речушек медленно выплывали пироги, на которых сидели совершенно голые гребцы. Несмотря на сильное течение, пироги вышли в залив и направились к скале, на которой собрались дикари и где еще виднелись остатки каннибальского пиршества.

– Милый Гарсиа, дела наши плохи, – сказал Альваро. – Эти пироги нужны дикарям для того, чтобы сделать нам визит. Очевидно, они хотят попить еще и нашим мясом.

– Как же мы поступим? – спросил юнга.

– Возьмем два бочонка с порохом и хороший фитиль, – холодно ответил Альваро.

– Мы взорвемся?

– Вместе с ними, если не получится отразить их нападение.

– Сеньор!..

– Если ты предпочитаешь вертел, то я не стану тебе препятствовать. Но сам я хочу погибнуть смертью солдата... Однако думаю, что нам все-таки удастся спасти свою шкуру... О да! Если заложить хорошенькую мину под кормой, результат может получиться великолепный.

Он взглядом измерил длину каравеллы.

– Приблизительно восемнадцать метров, – проговорил он как бы про себя. – Надо будет хорошенько измерить расстояние... Самое большее, нас выбросит в море... Где бочонки с порохом?

– В каюте лоцмана. Но что вы задумали, сеньор?

– Найдутся фитили на судне?

– Хорошо просмоленный канат может заменить их.

– Ты умница, – улыбнулся ему Альваро.

Альваро спустился в каюту лоцмана, заваленную всякого рода ящиками и бочонками, среди которых ему нетрудно было выбрать то, что было нужно. Взяв один бочонок, Альваро снова поднялся на палубу и направился к носовой части верхней палубы, которую волны пощадил, хотя удары о подводные камни и нанесли корпусу непоправимые повреждения. На носу находились разные вещи, оставленные экипажем каравеллы, а также снасти, цепи и парусный ящик.

– Теперь надо заняться приготовлением мины, – сказал Альваро. – Взрыв разрушит корму, но каравелла и так уже никуда не годится!

Альваро открыл с осторожностью бочонок с порохом и высыпал из него около четырех фунтов в заранее приготовленный бумажный сверток, вложил его в ящик, откуда он вытащил старые паруса. Потом он взял кусок просмоленного каната и засунул один конец в бумажный пакет с порохом, лежащий в ящике.

– Вот мина и готова! – воскликнул он.

Он снова закупорил бочонок с порохом и, закрыв его мокрой парусиной, отнес в каюту.

В это время пироги дикарей, искусно маневрируя, вышли в залив, огибая подводные камни. Взгляды туземцев были направлены на каравеллу, за которой они внимательно следили. Они, вероятно, уже сообразили, что именно на этом гигантском, по их меркам, судне приплыли в залив белые люди. Быть может, они даже заметили присутствие на каравелле португальца Альваро и юнги Гарсиа. Но океан был еще слишком бурным, и поэтому они не решались переплывать залив на своих пирогах. Хотя ветер и стих, но по заливу продолжали разгуливать громадные волны, и это удерживало дикарей на приличном расстоянии. К тому же приближался вечер, и они, конечно, не решались лавировать в темноте среди рифов, в изобилии наполнявших залив.

– Они не решаются приблизиться к нам, сеньор, – заметил юнга.

– Они уверены, что мы далеко не уйдем, – отвечал Корреа. – Будем надеяться, что волны улягутся. Во всяком случае, будем спать по очереди эту ночь. Так как ты моложе, то ты ложись первый.

– Вы тотчас позовете меня, как только почувствуете, что у вас глаза смыкаются?

– Само собою разумеется, мальчуган.

Альваро взял два ружья и уселся на бухту каната, откуда ему хорошо было видно берег.

Ночь наступала быстро, и вскоре все окутала непроницаемая темнота, так как небо было покрыто дождевыми тучами. Только на берегу виднелись огни. Это горели костры, зажженные дикарями, и при их свете Альваро мог рассмотреть голые фигуры. Они жестикулировали и указывали в сторону скал, среди которых застряла каравелла, но около полуночи все же улеглись, пригасив огни костров.

Корреа не смыкал глаз всю ночь. Он не решался поручить мальчику надзор, опасаясь, что тот заснет и не увидит, как подойдут пироги. Он ходил взад и вперед по палубе, поглядывая то на берег, то на океан, который заметно притих, и грустные думы овладевали им. Все указывало на то, что буря кончалась и, следовательно, можно спустить плот. Но куда бежать? Дикари на пирогах быстро нагонят плот... Нет, лучше уж защищаться здесь!..

Ночь прошла в непрестанной тревоге. Вскоре после полуночи встал и Гарсиа, который не мог больше заснуть. Когда взошло солнце, положение нисколько не изменилось. Волны продолжали разгуливать по заливу, хотя и не такие яростные, как накануне.

Дикари встали с восходом солнца и, взобравшись на скалу, наблюдали за каравеллой. Гребцы спускали в воду пироги, оказавшиеся на берегу во время отлива.

– Готовятся к нападению, – сказал Альваро. – Смотри не пугайся, когда увидишь их, а старайся не давать промаха.

– Я вовсе не дурной стрелок, сеньор, – ответил Гарсиа. – Мой отец служил сержантом в Кастильском полку и научил меня стрелять.

– Тогда все будет хорошо... Вот они пускаются в путь. Вооружимся же и постараемся нанести им как можно больше вреда. Эти дикари не заслуживают никакой пощады, и притом же дело идет о нашем собственном спасении.

Дикари сошли со скалы и начали в беспорядке взбираться на пироги, издавая оглушительные крики. Казалось, будто они все сразу сошли с ума. Они потрясали своими палицами и колчанами, наполненными стрелами, обмазанными сильнейшим ядом кураре, против которого не было никакого противоядия. Разместившись кое-как на пирогах, они наконец отчалили, направляясь к потерпевшему крушение судну, при этом ни на мгновение не прекращали своих ужасающих криков, рассчитывая, вероятно, напугать белых, находившихся на корабле.

Но Корреа не утратил присутствия духа. Он осмотрел приготовленную мину и, удостоверившись, что все в порядке, устроил для себя нечто вроде баррикады из разных ящиков и бочонков, за которою и притаился вместе с юнгой, держа наготове ружья и шпаги.

– Гарсиа, у нас там, кажется, есть портвейн? – спросил он.

– Да, сеньор.

– Ну так выпей и ты до начала битвы. Это придаст тебе мужества.

Юнга не заставил себя просить и хлебнул из бутылки, которую ему передал Альваро.

– Так!.. Если нам суждено изжариться на вертеле, то жаркое, приготовленное из нашего мяса, будет теперь еще сочнее, – сказал Альваро, у которого хватало смелости шутить в такую минуту. – Хлебни еще, Гарсиа. Дикари приближаются...

Альваро взял ружье и, наметив одного высокого дикаря на передней пироге, который громче всех кричал и размахивал дубиной, выстрелил. Дикарь, сраженный пулей прямо в грудь, тут же упал в воду.

Услышав звук выстрела, дикари подумали, что это молния сразила их товарища, и поэтому все обратили свои взоры к небу, вместо того чтобы смотреть на каравеллу. Никто не обратил внимания на раненого, который вскоре пошел ко дну.

Другой выстрел, сделанный юнгой, раздробил плечо одному из гребцов. Тогда дикари догадались наконец, что таинственные смертельные удары падают на них не с неба, на котором не было видно ни облачка, а с корабля. Они заметили сверкнувший огонь на палубе каравеллы и облачко дыма, которое еще не успел рассеять утренний ветерок.

Неописуемое изумление овладело этими простодушными, хотя и свирепыми сынами девственных американских лесов. Охваченные ужасом, они смотрели на каравеллу, не решаясь взяться за весла. Что за чудовища, метавшие пламя, способные убивать и калечить людей на таком большом расстоянии, могли укрываться там?

Однако эти дикари, привыкшие вести постоянную войну с другими племенами, скоро совладали со своим изумлением. Жадность и любопытство оказались сильнее страха, и они снова взяли за весла, направляя свои пироги к каравелле. Они уже заметили там двух человек, юношу и мальчика, и, конечно, надеялись быстро совладать с ними и пожрать обоих.

– Сеньор Альваро, – сказал юнга, – они продолжают грести. Очевидно, наши выстрелы и пули не очень испугали их.

– Там приготовлена для них мина. Увидишь, как они у нас запрыгают! Надеюсь, что они пристанут к носу.

– А мы?

– Мы уйдем в другой конец. Взрыв не произведет больших разрушений. Ты зарядил ружье?

– Да, сеньор.

– Ну так целься во вторую пирогу, а я займусь первой.

Еще двое дикарей свалились со своих скамеек – один убитый наповал, а другой раненый.

Дикий рев был ответом на эти выстрелы, а затем чей-то громкий голос несколько раз прокричал:

– Карамура!.. Карамура!..

Что означало это слово, Альваро не знал, да у него и не было времени задумываться над этим, так как пироги дикарей уже подошли к носу каравеллы, где было легче пристать к судну и взять его на abordаж. Альваро приготовил фитиль и зажег раньше, чем началась битва с дикарями.

– Идем, Гарсиа! – крикнул он.

– Нет, сеньор, – отвечал мальчик решительным голосом. – Мое ружье уже заряжено, и я вас буду защищать.

Пока дикари пробовали взобраться по снастям бугшприта на корабль, Альваро быстро растрепал и поджег конец веревки, выходящий из ящика, где была заложена пороховая мина. Сделав это, он бросился прочь. В этот момент из-за борта показался первый дикарь, закинувший уже ногу на палубу, но Гарсиа метким выстрелом из ружья заставил его свалиться вниз, на головы его товарищей, тоже цеплявшихся за веревки.

– Браво, Гарсиа! – крикнул Альваро, быстро взбираясь на корму. – Скорее, мальчуган, беги отсюда. Сейчас будет взрыв.

Мужество дикарей, очевидно, поколебалось, не столько из-за внезапной гибели товарищей, сколько вследствие непонятных для них звуков выстрелов. Поэтому они спрыгнули на свои пироги, не решаясь влезать на судно. Они продолжали кричать с выражением ужаса то же самое непонятное слово:

– Карамура!.. Карамура!..

Вдруг раздался страшный взрыв, заглушивший их крики. Ящики, бочонки, веревки полетели во все стороны, и вся носовая часть судна сразу отвалилась. Удар был настолько силен, что Альваро и юнга провалились в трюм. Все, что было на корме, попадало, двери кают сорвало с петель.

– Черт возьми, что за канонада! – воскликнул Альваро, вскакивая на ноги. – Если б я высыпал полбочонка, то мы бы взлетели на воздух!.. Эй, мальчуган, ты не ранен?

– Немного зашиб нос, сеньор, – ответил юнга.

– Посмотрим, что там делается!

Схватив ружья и шпаги, они вылезли на палубу. Вся носовая часть была еще окутана густым дымом, сквозь который виднелись языки пламени, лизавшие доски. Просмоленные якорные канаты и старые паруса загорелись.

– Ах, дьявол! – воскликнул Альваро, нахмутив брови. – Я и не подумал об этой опасности.

Он вскарабкался на борт, держась за уцелевшие снасти обломков грот-мачты, и посмотрел в сторону носовой части судна. Поражение дикарей было полное. Из четырех пирог одна сразу пошла ко дну, а три другие спешно гребли к берегу.

– Хороший удар, честное слово! – воскликнул Альваро смеясь. – Эти проклятые людоеды не посмеют теперь возобновить атаку.

Он окинул взглядом море вокруг подводной скалы, на которой застряла каравелла, и увидел, что оно усеяно страшно изуродованными человеческими трупами, оторванными конечностями и обломками пирог. Все это носилось в пенящихся волнах, между подводными скалами.

– Они ушли, сеньор Альваро? – спросил юнга.

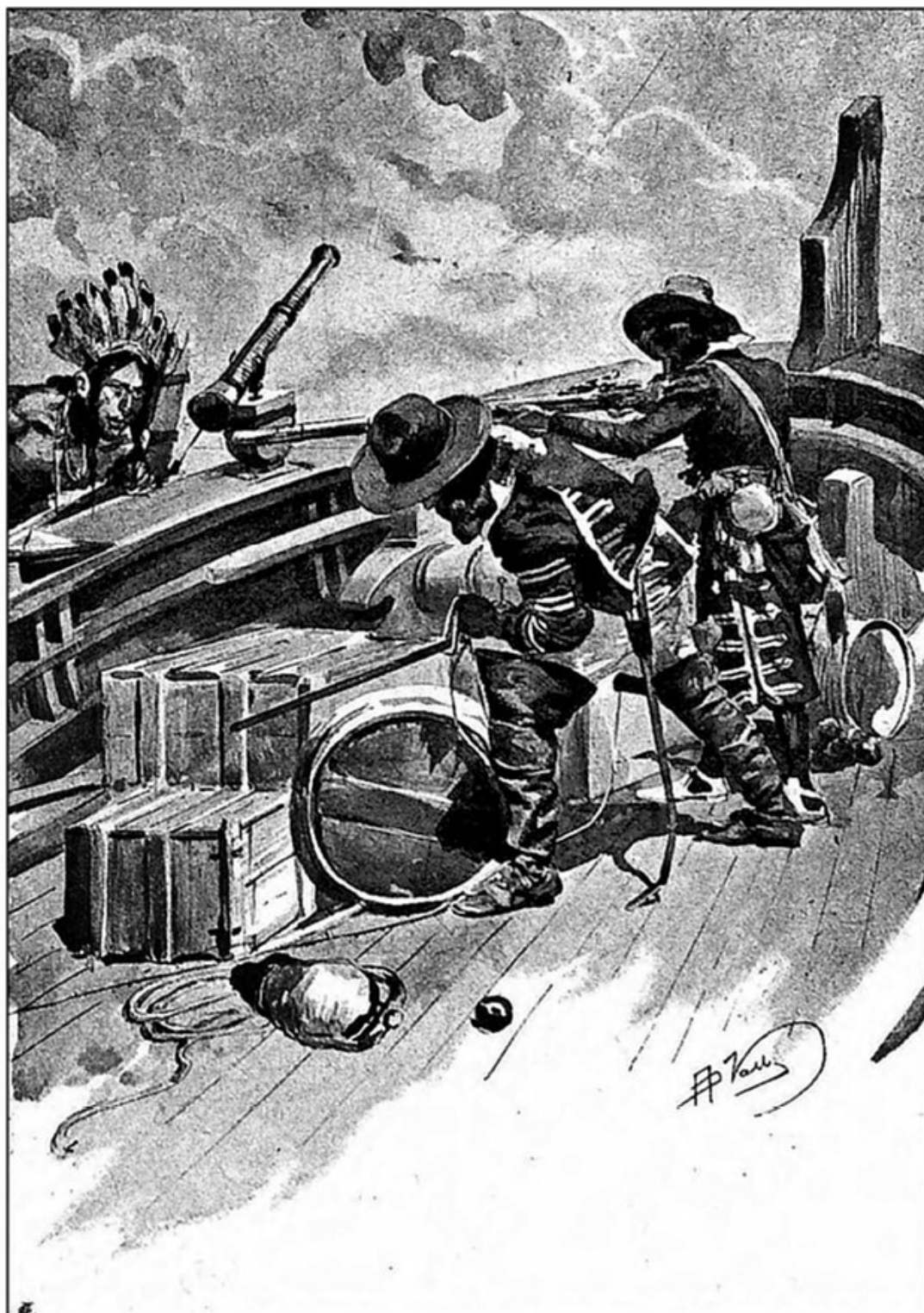
– Удрали с такой скоростью, точно попутный ветер надувал им паруса и гнал их к берегу, – отвечал Корреа. – Готов побиться об заклад, что у них кровь застыла в жилах от удара.

– Как торопятся! – вскричал юнга, который в один миг вскочил на борт. – Должно быть, они изрядно напуганы!

– И многие погибли.

– Акулы пожирают трупы, сеньор. О! Какие страшные звери! Смотрите, как их много собралось тут! Ой-ой!.. Какие у них огромные пасти! Они перекусывают тело зубами в один миг, точно разрезают его гигантскими ножницами.

Корреа взглянул туда, куда указывал ему юнга, и вздрогнул. Семь или восемь чудовищных акул, из тех, которых называют рыба-молот, окружали подводную скалу, раскрывая свои огромные пасти, усаженные страшными зубами. Они переворачивались на спину, чтобы схватить добычу, потому что вследствие особенного устройства рта не могли иначе достать ее, а затем раздавался страшный зловещий хруст. Большая часть трупа, перерезанного зубами акулы, исчезала в ее пасти, и море окрашивалось в цвет крови.

– О, ужасные рыбы! – воскликнул Корреа. – Если бы взрыв распространился и на море, то, по крайней мере, и с ними было бы покончено.

Облако черного вонючего дыма, пропитанного запахом смолы, напомнило Корреа, что опасность теперь грозит совсем с другой стороны.

– Господи! – воскликнул Корреа. – Ведь мы совсем забыли, что нос каравеллы представляет собой пылающий костер. Да, хоть мы и избавились от дикарей, все же не можем считать себя спасенными. Надо спускать плот на воду – и не мешкая.

– Как, сеньор?.. А эти акулы?..

– У них есть чем заняться, и на нас они не обратят внимания. И потом, ведь у нас есть оружие. Если они захотят напасть на плот, то мы будем защищаться...

Он взглянул в сторону берега. Три пироги дикарей вошли в устье одной из пяти рек, изливающихся в залив, и скоро исчезли под зеленым сводом, образуемым роскошной растительностью, покрывавшей берега реки.

– Скорее на плот, Гарсиа! – крикнул Корреа. – Снеси туда бочонок с порохом и пули, а также съестные припасы.

– Я вам уже говорил, что кладовая под водой, сеньор.

– Ну что ж делать! Придется нам добывать пищу на берегу. Я видел между деревьями много птиц, а мы с тобой недурные стрелки.

Надо было спешить. Пламя быстро распространялось. Пропитанные смолой снасти каравеллы представляли хороший горючий материал. Корреа с помощью юнги спустил на воду плот без особенно больших затруднений. Океан успокоился, и лишь изредка появлялись небольшие волны, медленно расходившиеся по всему заливу и разбивавшиеся в пену у маленьких островков и подводных камней.

Плот был маленький и легкий и весело запрыгал на волнах, как только его спустили. Удостоверившись в его устойчивости, Корреа поставил на него два бочонка с порохом и боевыми припасами, а также кое-какую одежду для смены, найденную ими в каюте лоцмана. Захватив шпаги, топоры и ружья, они вскочили на плот и перерубили канаты, удерживавшие плот возле каравеллы.

– Куда же мы отправимся, сеньор? – спросил юнга, садясь на весла.

Корреа оглядел берег и потом, указав на реку, вливавшуюся в широкий залив, сказал:

– Гребите туда. Это достаточно далеко от места, откуда явились к нам бразильцы.

На берегу

Плот прекрасно держался на воде благодаря четырем бочонкам на углах и весело покачивался на волнах, разгуливавших по заливу.

Корреа и юнга бодро принялись грести, направляя плот к берегу, не спуская, однако, глаз с устья реки, где скрылись три пироги дикарей. Они опасались все-таки, что дикари скрываются где-нибудь среди густой растительности, окаймляющей берег, и поэтому могут внезапно напасть. Однако в заливе все было спокойно, и только морские птицы, каких Альваро доселе не видывал, летали над водой, охотясь за рыбой. На всем пространстве залива, усеянного прелестными островками, не видно было ни одной пироги. Тишина стояла полная, не слышно было никаких подозрительных звуков, и ничто не нарушало покоя этого живописного уголка, которому со временем суждено было стать одним из самых больших, богатых и безопасных портов Южной Америки; только шум и журчание волн, разбивавшихся о скалы, встречающиеся им на пути, несколько нарушали эту тишину.

Плот уже удалился на сотню метров от горящей каравеллы, когда вдруг юнга испуганно вскрикнул:

– Сеньор Корреа!

– Опять дикари? – спросил Альваро, забывший о других, не менее опасных врагах, которые угрожали им в водах Бразилии.

– Нет... акулы!

– Все в этой проклятой стране точно сговорились преследовать нас, чтобы полакомиться белым мясом. Это, наконец, становится скучно.

– Акулы нас окружают, сеньор.

Альваро вытащил весло и осмотрелся вокруг. Юнга не преувеличил. Около восьми огромных акул кружили возле плота, разевая по временам свои огромные пасти. Они не спускали глаз с двух потерпевших крушение людей, точно желая их загипнотизировать.

– Эти чудовища опасны для нас не менее дикарей, – сказал Альваро. – К счастью, у них так устроен рот, что они не могут схватить нас с плота. Но посмотри только на их пасти! Гарсиа, у тебя не стынет кровь в жилах при одном только взгляде на них?

– Да, и, кроме того, кружится голова!

– Возьми шпагу и отталкивай тех, которые вздумают приблизиться к плоту.

– Лучше было бы выстрелить в них.

– Боже сохрани! Мы можем привлечь внимание индейцев, которые скрываются в этих лесах.

Акулы продолжали плавать вокруг плота, а иногда проплывали под ним, и люди на плоту чувствовали сквозь доски толчки их шершавых спин.

– Они хотят опрокинуть плот, – заметил Корреа, явно испуганный. – Надеюсь, однако, что у них не хватит на это сил. Ведь и мы что-нибудь весим!

Обнажив свою шпагу, он с рискованною смелостью встал на самый край плота и начал наносить удары по воде. Но проклятые акулы очень ловко двигались под водой, избегая ударов, и показывались уже с другой стороны. Но одна из акул, по-видимому потерявшая терпение и, должно быть, наиболее голодная из всех, мощным ударом хвоста вдруг приподнялась из воды и, перевернувшись на спину, разинула свою громадную пасть прямо возле края плота. Это было так неожиданно, что Корреа чуть не упал прямо в зубы чудовищу.

– Ах, черт возьми! – воскликнул он, быстро вернув свое хладнокровие. – Дело принимает серьезный оборот. Если они все разом произведут такой маневр, то им нетрудно будет до нас добраться.

Заметив, что акулы собираются возобновить свое нападение на плот, Корреа схватил шпагу обеими руками и, ударив изо всех сил, отсек половину молоткообразной головы. Раненая акула скрылась под водой, оставив длинный кровавый след на поверхности и плававший в нем отсеченный кусок головы вместе с глазом, сохранившим еще свое ужасное свирепое выражение.

– Думаю, что эта злодейка получила достаточно, – сказал Корреа.

– И моя тоже! – воскликнул юнга, воодушевленный примером своего старшего товарища и тоже раздробивший голову акуле, плившей вблизи от него.

Однако эти удачные удары имели неблагоприятные последствия. Запах крови привлек акул, выказывавших теперь еще большую ярость и упорство в преследовании плота. Они окружили его со всех сторон, появляясь то над левым, то над правым бортом плота и нанося такие сильные удары своими хвостами, что плот сотрясался и несколько раз грозил потерять равновесие. Положение становилось трагическим, несмотря на ожесточенные удары шпаг. Но вдруг раздался страшный грохот, и громадная волна, поднявшаяся в заливе, подхватила плот и понесла его к берегу.

Это каравелла взлетела на воздух. Пламя проникло в трюм, где остались бочонки с порохом, произошел оглушительный взрыв, и несчастное судно разлетелось вдребезги.

Взрыв оказался более действенным, нежели уколы шпаг. Акулы внезапно скрылись. Вероятно, они попрятались в одном из подводных гротов, которые обыкновенно служат убежищем этим чудовищам в заливах Америки.

Громадное белое облако дыма и пара окутало залив и скрыло все из глаз. Когда оно рассеялось, Корреа обернулся и взглянул на подводную скалу, около которой догорали остатки каравеллы.

– Бедный корабль! – проговорил он взволнованно.

Сильный толчок чуть не свалил его в воду.

– Опять эти акулы! – вскричал он.

– Нет, сеньор. Мы просто сели на мель. Берег находится от нас всего шагах в пятидесяти. Волна, произведенная взрывом, лучше попутного ветра донесла нас сюда.

– А глубоко здесь?

– Не более фута.

– Ну так оставим плот на этом месте и пойдем поищем, чем бы позавтракать.

Взяв бочонки, весившие не более двадцати фунтов, и захватив оружие и одежду, они быстро преодолели расстояние, отделявшее их от берега. Лес, покрывавший этот берег, доходил почти до самого моря, так что корни некоторых растений омывались водою залива. Это было продолжение того гигантского леса, который до сих пор еще покрывает большую часть внутренней Бразилии и сохраняет свой первобытный характер, несмотря на все усилия белых колонистов и туземцев, старательно прокладывающих тропинки в чаще.

Корреа и Гарсиа смотрели восхищенными взорами на эту роскошную, разнообразную девственную растительность, на великолепные деревья, увитые лианами и массой других растений-паразитов, спускающихся вниз причудливыми фестонами или в виде узорчатого кружева и делающих совершенно непроходимой чащу американского девственного леса не только для людей, но и для животных. Красивые птицы, с ярким блестящим оперением, порхали между ветвей, нарушая своим пением величественную тишину лесной чащи.

– Что ты скажешь обо всем этом, Гарсиа? – спросил Корреа, с восторгом смотревший на птиц, по-видимому несколько не испугавшихся пришельцев.

– Что мы, вероятно, попали в земной рай! – воскликнул Гарсиа.

– Хорош рай, двуногие обитатели которого превосходят своей свирепостью четвероногих хищных зверей, населяющих леса и пустыни Азии и Африки.

– Однако вы же должны согласиться, что этот лес великолепен?

– Вполне. Только мы в нем ничего не находим для нашего завтрака.

– А птицы?..

– Я бы, конечно, с удовольствием приготовил из них жаркое, если б не боялся привлечь внимание дикарей...

– Ай! Сеньор Альваро!..

– Что ты там нашел?

– Взгляните-ка, что это за большие деревья, усыпанные фруктами! Если бы мы достали их...

Альваро взглянул в том направлении, куда указывал Гарсиа, и действительно увидел огромные деревья, покрытые плодами, напоминающими видом грушу, только более удлиненной формы и более ярко окрашенными. Это дерево – аукуба, представляющее большую ценность в Южной Америке, не раз становилось причиной кровавых войн между туземными племенами, оспаривающими друг у друга землю, где росли эти деревья. Альваро эти деревья были незнакомы, так как он никогда раньше не бывал в Бразилии, поэтому он смотрел с некоторым сомнением на красивые плоды, не зная, съедобные ли они и не заключают ли они в себе какого-нибудь ядовитого вещества.

– Попробуй достать их, Гарсиа, – сказал он наконец. – Они так красивы, эти фрукты, что, пожалуй, могли бы соблазнить и менее проголодавшихся людей, нежели мы. Ты можешь влезть на это дерево?

– Для юнги это не должно составить затруднения! – гордо отвечал Гарсиа.

Он схватился руками за лиану и только собрался лезть на дерево, как вдруг разразился хохотом.

– Ах! Сеньор Альваро! – воскликнул он. – Какие они смешные! И как они худы!..

– Кто?

– Посмотрите туда, между листьями. Должно быть, эти фрукты очень вкусны. Они их пожирают с таким аппетитом.

Альваро поднял голову и воскликнул:

– Обезьяны!..

– Обезьяны?.. Они напоминают гигантских пауков!

Гарсиа нечаянно сделал то самое сравнение, которое, на основании сходства, было потом сделано натуралистами, назвавшими этих животных паукообразными обезьянами. На известном расстоянии эти обезьяны, обитательницы американских девственных лесов, благодаря своим чрезмерно длинным конечностям, очень похожи на громадных пауков-птицеедов.

Как только обезьяны завидели людей, то обнаружили сильнейшее волнение, и все стадо немедленно перебралось на самый конец огромной ветви, повисшей над ручейком. Они громко кричали, свирепо оскалив зубы, и как будто собирались кинуться на юнгу, ухватившегося рукой за один из фестонов лианы, спускавшейся с дерева, и смело полезшего вверх, чтобы достать один из фруктов, соблазнявших своим видом голодных людей.

– Берегись, Гарсиа, – крикнул ему Альваро, заряжая ружье. – Мне кажется, что эти обезьяны очень воинственны...

– У меня есть топор, – отвечал юнга, продолжая лезть на деревья. – Уж, конечно, эти животные не заставят меня отказаться от завтрака.

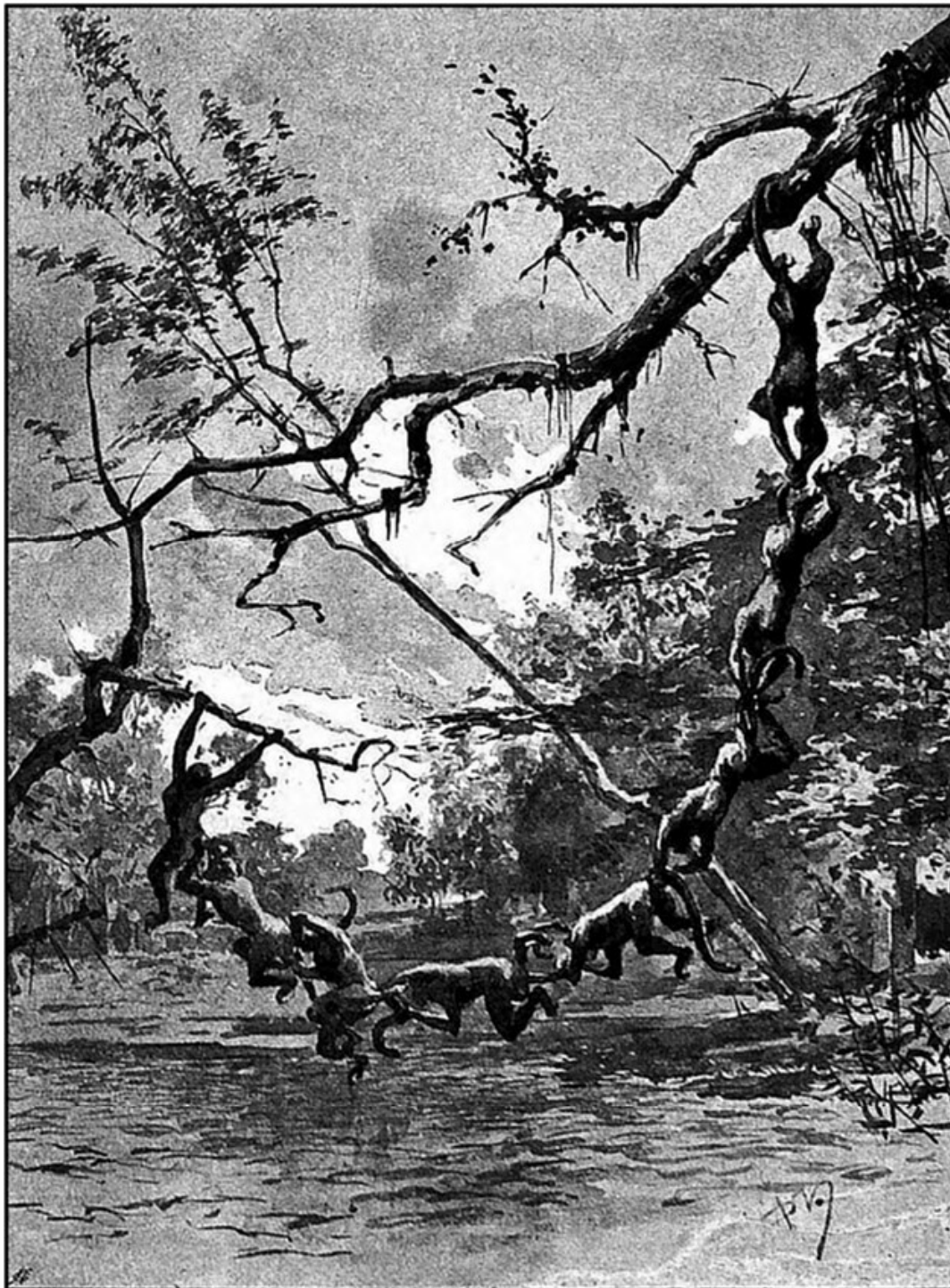
Рычание обезьян усиливалось, но мальчик, не обращая на них внимания, ловко карабкался вверх, заставляя раскачиваться ветвь, на конце которой сидели обезьяны. Убедившись очевидно, что им не удастся испугать храброго мальчика, уже взобравшегося на главную ветвь, обезьяны издали крик ярости, который сменился тотчас же таким жалобным визгом, что Альваро не мог удержаться от смеха.

– Ну-ну! Эти четверорукие животные, по-видимому, не очень-то храброго десятка! – сказал он.

Юнга окликнул его:

– Посмотрите, что делают эти обезьяны, сеньор! Они как будто собираются напасть.

Действительно, обезьяны готовили какой-то таинственный маневр. Они собрались все на самый конец ветки, и одна из обезьянок, уцепившись хвостом за другую обезьянку, ближайшую к ней, храбро бросилась вниз, за нею тот же самый маневр исполнила другая, потом третья и т. д., так что в конце концов образовалось нечто вроде живой цепи, свесившейся вниз. Обезьяны, уцепившись друг за друга хвостами, начали раскачиваться все быстрее и быстрее над поверхностью речушки, пока самая нижняя обезьяна, составлявшая конец цепи, не очутилась на расстоянии пяти или шести метров от другого берега. Когда цепь раскачалась еще сильнее, то эта обезьяна ухватила руками за ветку одного дерева, растущего на берегу, и тогда цепь соединила оба берега реки и образовала род висячего моста. По этому мосту сначала перебрались самки с детенышами, а затем первая обезьяна отделилась от дерева и перебралась по спинам и головам своих товарищей на другой берег, за нею по очереди последовали другие, пока все стадо не очутилось на другом берегу, выражая свою радость самыми изумительными прыжками.

– Счастливого пути! – прокричал им вслед Гарсиа, глядя, как они, перепрыгивая с дерева на дерево, углубились в лесную чашу.

Взобравшись на ветвь, сгибающуюся под тяжестью плодов, Гарсиа начал срывать их и бросать Альваро, который ловил их на лету.

– Если обезьяны едят эти фрукты, значит они не заключают в себе никакого яда, – успокоил себя Альваро, откусывая кусок. – Ах, как вкусно! – воскликнул он. – Но совсем не похожи на наши груши, хотя формой и напоминают их.

Гарсиа, усевшись верхом на ветке, уплетал за обе щеки сочные плоды. В это время Альваро, насытившись вдоволь, разлегся на траве, под деревом, намереваясь отдохнуть, как вдруг он увидел, что юнга быстро спускается с дерева, как будто чем-то смертельно испуганный.

- Что с тобой, мальчуган? – спросил он, схватившись за ружье.
- Тише, сеньор, – отвечал юнга испуганным голосом. – Там индейцы!
- Опять эти негодяи!.. Их много?
- Я видел только двоих.
- Идем.

Альваро в сопровождении мальчика быстро шмыгнул в густую чащу кустарника, оттуда он мог сквозь ветви видеть берег на довольно большом протяжении, не рискуя быть замеченным.

Индейцы, по-видимому, направлялись к устью речонки, и хотя их еще не было видно, но уже слышны были их голоса.

- Мне кажется, их немного, – сказал Альваро, внимательно прислушиваясь.
- Может быть, это разведчики? – заметил Гарсиа.
- Возможно. Но если их только двое, то нам нечего пугаться.
- Но они могут обнаружить нас, пойти по нашим следам и увидеть наш плот?
- Если они приблизятся к нему, то мы им не дадим пощады.

В это время индейцы вышли из леса и направились прямо к берегу. Это были рослые люди, несколько худощавого сложения, с правильными чертами лица, с кожей, раскрашенной черной и красной краской, и длинными, лохматыми волосами, падающими на плечи. Они были совсем голые и носили только маленький передник, сплетенный из волокон. Но оттянутая верхняя губа, в которую был продет круглый кусочек яшмы, точно вросший в живое мясо, придавала им отталкивающий вид. Это украшение, называемое «барботто», до сих пор еще можно встретить у индейцев во внутренних областях Бразилии, и оно-то в высшей степени безобразит туземцев. Такую же операцию они проделывают и с нижней губой: продырявливают ее и вставляют в отверстие сначала маленький кусочек дерева, а затем куски все большей и большей величины, пока дыра не растянется до огромных размеров. По краям этой дыры постоянно копится слюна, производя самое отвратительное впечатление.

Индейцы вставляют такие же куски дерева и в мочку ушей, растягивая ее так, что уши у них часто достают до плеча.

Оба индейца, за которыми наблюдал Альваро, были вооружены длинными луками и особого рода заостренными с обеих сторон деревянными кинжалами. Они остановились на берегу, который в этом месте круто спускался вниз, и стали внимательно смотреть в воду.

- Они как будто приготовляются ловить рыбу, – сказал Альваро.
- Стрелами? – спросил Гарсиа.
- Посмотрим, что они будут делать!
- Они еще не заметили наш плот.
- Да, его прибило волной дальше от скалы.

Оба индейца, пройдя берег, повернули направо, стали обрывать с ветвей лианы, которые связывали вместе. Таким образом они получили крепчайшую веревку, длиной по крайней мере в сто футов. Сделав эту работу, они уселись друг против друга под тенью пальмы. Один из них достал из-за пояса какой-то странный инструмент, сделанный из двух длинных ястребиных костей, скрепленных в форме креста и, очевидно, выдолбленных внутри, и высыпал туда из раковины какой-то черный порошок. Затем он ввел нижний конец этого инструмента себе в рот, а верхний в нос. То же самое сделал его товарищ с двумя другими концами инструмента. Тогда они оба вместе начали дуть в отверстие изо всех сил, чихая и пыхтя.

Альваро и Гарсиа с величайшим изумлением смотрели на их проделки, не догадываясь, что это был один из способов употребления табака. Впрочем, табак в то время только что начал

распространяться в Европе, индейцы же употребляли табак, обращенный в порошок, совершенно так же, как это делают наши монахи и другие люди, нюхающие табак. Только способ употребления был другой, так как они совместно вдвухали друг другу табак в нос посредством инструмента, приготовленного из птичьих костей, связанных крест-накрест.

Начихавшись вдоволь, так что слезы появились у них в глазах, дикари, довольные успехом своего способа нюхать табак, развалились на траве, не спуская глаз с воды, которая в этом месте была довольно глубока. «Чего они ждут здесь?» – спрашивали себя Альваро и его спутник. Но ответ пришел раньше, чем они думали.

Не прошло и пятнадцати минут, как оба дикаря вскочили на ноги. Один из них держал в руке деревянный кинжал с заостренными краями, а другой веревку из лианы. Тот, который держал в руке деревянный кинжал, по-видимому, был более сильный и более пожилой. Он взобрался на маленькую скалу, которая возвышалась над водой, и, посмотрев с величайшим вниманием вниз, взял в зубы кинжал и бросился вниз головой, в воду.

– Это рыбаки, – сказал Альваро. – Но меня очень интересует, какую рыбу он намерен пронзить своим кинжалом?

– Сомневаюсь, чтобы ему удалось! Слишком уж они проворны, эти обитательницы вод.

– Ах, черт возьми!.. Посмотри-ка, какова смелость этих дикарей!..

На поверхности воды показалась чудовищная голова акулы, вблизи того места, куда нырнул дикарь.

– Рыбак погиб! – воскликнул юнга.

– Вовсе нет! Он нырнул, чтобы убить акулу.

– Неужели же они такие храбрые, эти дикари?

– Смотри в оба, Гарсиа.

Рыбак показался на поверхности воды, держа в зубах кинжал, и решительно поплыл к акуле, которая весело ныряла в пенных волнах. Товарищ его на берегу внимательно наблюдал за этой охотой, не выказывая при этом никаких опасений за ее исход и держа наготове веревку.

Громадная рыба-молот, почуяв человека, остановилась, точно изумленная его смелостью, а потом, сделав быстрое движение, перевернулась на спину и раскрыла свою огромную пасть. Но индеец, вместо того чтобы бежать от опасности, с необычайным мужеством пошел ей навстречу. Он бросился прямо на акулу и, держа в руках кинжал, быстро всадил ей руку в пасть. Акула сомкнула челюсти, уверенная в том, что схватила врага, но в этот момент заостренный с обоих концов кинжал вонзился ей в нижнюю челюсть и в небо, произведя, очевидно, серьезные ранения, так как акула начала неистово биться, а вода моментально окрасилась кровью.

Дерзкий рыбак между тем подплыл к берегу и стал рядом с товарищем, наблюдая с явным удовольствием за бешеными прыжками умирающего морского чудовища.

– Друг мой Гарсиа, – сказал Альваро, – если нам придется иметь дело с этими дикарями, то я не знаю, как мы отделаемся. Люди, не отступающие перед такою опасностью, должны обладать совершенно особым мужеством! Видал ли ты когда-либо, чтобы наши моряки отправлялись на такую охоту, вооруженные только кинжалом, и притом деревянным?

– Никогда, сеньор! – ответил решительно юнга.

– Если бы Писарро и Альмагро высадились здесь, а не в Перу, то, пожалуй, им бы не удалось так легко завладеть столь обширными областями. Инки в сравнении с этими дикарями просто трусы, и ничего больше... Но что это они делают?

– Не знаю. Я отвлекся.

Оба индейца что-то внимательно рассматривали на береговом песке, выражая жестах величайшее удивление.

– Я уверен, что они заметили наши следы, – сказал Альваро несколько встревоженным голосом.

– Значит, они придут сюда?

– Да, если пойдут по нашим следам. Во всяком случае, они, должно быть, очень удивлены, увидав такие следы. Ведь они никогда не видали следов ноги, обутой в башмаки. По всей вероятности, они припишут наши следы какому-нибудь необыкновенному животному. Но мы должны быть настороже и приготовить наши ружья.

– Бежим, сеньор.

– Можем застрелить их.

– А звук выстрела? Ведь он может привлечь сюда других дикарей. Трудно предположить, чтобы их было тут только двое.

– Уберемся-ка отсюда! – сказал Альваро.

Густая чаща кустарника, в которой они находились, хорошо скрывала их. Захватив оба бочонка с порохом и пулями, они осторожно подвигались к лесу. Пройдя около двадцати шагов, они вдруг услышали справа какой-то подозрительный шелест: мимо них пролетела длиннейшая стрела и вонзилась в ствол дерева на уровне человеческого роста.

Альваро быстро обернулся, подняв ружье, готовый дорого продать свою жизнь и выстрелить, что бы ни случилось потом.

Два индейца совершенно неожиданно появились в чаще кустарника, из которой только что вышли Альваро и Гарсиа. Увидев перед собой двух белых людей, которых они, конечно, никогда не видали прежде, они вскрикнули от удивления. Вероятно, они спрашивали себя, что это за существа перед ними, люди или звери неизвестной породы? Тем не менее они не решались пустить стрелу и то поднимали, то опускали свой лук. Вдруг дуло ружья Альваро блеснуло на солнце. Тут дикарей охватил такой суеверный страх, что они бросились бежать так быстро, что ни одна лошадь не могла бы сравняться с ними.

– А я уж собирался стрелять, – сказал Альваро, опуская ружье. – Хорошо, что они убежали!

– Бежим и мы, сеньор, а то, пожалуй, они вернутся сюда в большем числе, – проговорил Гарсиа.

– Пожалуй, ты прав, мальчуган: лучше удрать отсюда и поискать какого-нибудь скрытого убежища в этом лесу.

Повернувшись спиной к морскому берегу, они бросились бежать, углубляясь в лес, который становился с каждым шагом все гуще и гуще...

В бразильском лесу

Альваро и Гарсиа очень скоро вынуждены были замедлить свой бег. Они с трудом продвигались в лесной чаще, представлявшей какой-то хаос растений, стволов, гигантских корней, лиан и густого кустарника. Это был настоящий девственный лес, покрывавший в ту эпоху, к которой относится наш рассказ, большую часть Бразилии и тянувшийся почти без перерыва от берега Атлантического океана до гигантской цепи Кордильер.

Альваро и Гарсиа остановились, ища способ проникнуть сквозь густую завесу зелени, которая казалась им непроницаемой.

– Трудненько будет пробиться тут! – сказал Альваро. – Никогда не видал такого леса.

– Однако мы еще недалеко ушли от берега, – возразил Гарсиа, – и останавливаться здесь было бы опасно. Сделаем как обезьяны, сеньор, если вы ничего не имеете против. Притом если мы будем продвигаться таким способом, то не оставим никаких видимых следов, по которым индейцы могли бы гнаться за нами.

– Твой совет хорош, мальчуган. Будем же подражать четвероруким.

Убедившись, что передвигаться по земле слишком трудно, они смело вскарабкались по лиане и продолжали дальнейший путь по разветвлениям лиан, невзирая на то что груз, который они несли, затруднял их движения. Передвигаясь таким образом с ветки на ветку, они прошли около ста метров, когда дальнейшее движение их было неожиданно приостановлено каким-то странным диким ревом. В лесу раздались страшные крики, нарушив тишину, господствовавшую до этой минуты. Казалось, будто тут режут кого-то или подвергают ужасным пыткам. Эти крики могли заставить содрогнуться кого угодно.

– Сеньор! – воскликнул Гарсиа, усевшись на ветку. – Тут кого-то убивают!

– Кого-то?.. Мне кажется, что тут избивают или пытаются очень многих.

– Разве в этом лесу обитают какие-нибудь племена индейцев?

– Очень возможно.

– Значит, они пытаются своих пленников, прежде чем изжарить их?

– Но... слушай, они поют, эти пленники! – воскликнул Альваро, внимательно прислушивавшийся.

Жалобные крики вдруг прекратились, и вместо них раздалось как будто пение псалмов, точно в этом лесу жили монахи.

Альваро посмотрел на своего спутника.

– Поют... в самом деле! – проговорил он.

– Можно подумать, что это молятся индейцы...

– Ну а этот шум что означает?..

Странное бормотание вдруг прекратилось, и вместо него послышались удары, точно толпа дровосеков занималась здесь рубкой леса. Эти удары нарушались по временам каким-то журчанием, как будто поблизости протекал ручей.

– Не может быть, чтобы это были индейцы! Слушай, вот они опять принялись петь и жалобно стонать. Хотелось бы мне знать, кто эти артисты!

– А как вы думаете, кто это?

– Не знаю. Во всяком случае, это не могут быть люди. Пойдем туда и посмотрим.

Уверенные, что поблизости нет дикарей, они возобновили свое воздушное путешествие по ветвям и лианам бразильского девственного леса. Звуки, так заинтриговавшие их, усиливались, следовательно, артисты не могли быть далеко. Однако на всякий случай наши путешественники подвигались с большой осторожностью, так как все же немного опасались, что исполнители этого концерта могут оказаться людьми. Пройдя таким образом около двухсот метров, они остановились.

Громадное дерево, из самой колоссальной породы, какая только водится в бразильских лесах, возвышалось посредине маленькой прогалины. На вершине его, среди узловатых ветвей, собрались концертанты, при виде которых Альваро разразился громким смехом, так перепугавшим певцов, что они моментально попрятались в густой листве.

– Обезьяны! – воскликнул весело португалец. – Какое же у них горло, у этих четверорукких животных! Они прекрасно подражают монахам и евреям, поющим в синагоге.

В самом деле, это были обезьяны из породы ревунов, дающих такие страшные концерты в американских лесах; увидев путешественников, они испуганно разбежались по ветвям, выражая свой гнев ворчанием. Затем они с изумительной ловкостью перебрались на соседние растения и исчезли в фестолах лиан и листьев.

– Они могут похвастаться, что заставили нас пережить тревожные минуты. Хороший способ распугивать людей, проходящих по этому лесу! Ведь я готов был поклясться, что тут пытаются пленников! – воскликнул Гарсиа.

– И я тоже, – отвечал Альваро. – Если нам придется долго оставаться в этом лесу, то мы увидим поразительные вещи... Стой!.. Гляди, какие углубления в этом дереве! Мы можем тут остановиться и провести ночь, тем более что солнце уже склоняется к западу.

– А ужин, сеньор? Хотя груши, которыми мы полакомились, были очень вкусны, но все же я ощущаю в желудке пустоту.

– Поищем каких-нибудь фруктов.

– Я бы предпочел мясо.

– Ишь ты, какой обжора! Ты уж очень требователен, мальчуган.

– Я уверен, что и вы не отказались бы от котлетки, сеньор Альваро!

– О, разумеется! Только, к сожалению, это блюдо от нас еще очень далеко, а пока мы вынуждены довольствоваться фруктами... И вот растение, которое доставит нам ужин!

Альваро начал быстро спускаться по лиане и уже почти коснулся земли, как вдруг Гарсиа увидал, что он в ужасе отскочил назад.

– Сеньор Альваро! – вскрикнул Гарсиа. – Какое отвратительное животное!.. Похоже на жабу... но какую жабу!

Почти из-под ног путешественника выскользнула громадных размеров жаба, с наростами на голове, похожими на рога, и кожей, испещренной черными и желтыми пятнами. Такие гигантские жабы во множестве водятся в дождевых лесах Бразилии.

– Что за зверюга! – воскликнул Гарсиа, отпрыгнув в другую сторону. – Никогда не видал более отвратительной твари.

– Охотно верю, – сказал Альваро, бросив палкой в животное, чтобы заставить его скорее бежать.

Гарсиа покатился со смеху.

– Нет, вы только посмотрите, сеньор! Они скачут, точно у них ноги на пружинах, – вскричал он. – Никогда в жизни не видал таких лягушек.

На лесной прогалине появился целый отряд черных лягушек, с очень длинными ногами, которые, точно забавляясь, прыгали так высоко, что почти достигали ветвей деревьев. Эти бразильские лягушки так проворны и ловки, что зачастую запрыгивают в окна хижин туземцев.

– Должно быть, тут есть поблизости какой-нибудь пруд или болото, – сказал Альваро, когда лягушки, беспорядочно прыгая, исчезли в лесу. – Завтра поищем его и попробуем наловить рыбы. Прежде я недурно ловил рыбу.

Они направились к растению, которое раньше заметил Альваро. Оно было покрыто плодами, напоминающими своим видом зеленые кедровые шишки. Это было растение, называемое *пинья*¹ и очень ценимое индейцами. Плоды его по вкусу нисколько не уступают дуриану.

¹ *Пинья* (pinha) – в португальском языке название плода, а вместе с ним и дерева, на котором он растет. Переводится

Оба путешественника, за неимением более сытной пищи, постарались утолить свой голод этими плодами, а затем забрались в одно из углублений дерева самаума², где могли довольно удобно поместиться. Там они были защищены от ночной сырости и могли надеяться хорошо выспаться после всех испытанных ими треволнений.

Солнце закатилось, и тьма наступила очень быстро, особенно в этом лесу, где и днем господствовали сумерки вследствие густой завесы зелени, через которую с трудом проникали солнечные лучи.

Но потемневший лес наполнился тысячами разных странных звуков, заставлявших невольно содрогаться как мальчика Гарсию, так и его более взрослого товарища Альваро. То раздавался нескончаемый свист и шипение, нарушающие торжественную тишину гигантского леса, то слышались протяжный стон, рев и мычание, точно стадо быков паслось где-то поблизости, или резкий звук, напоминающий лязг железа. Порою все эти таинственные звуки вдруг прекращались, и вновь наступала торжественная тишина. Но это продолжалось недолго. Снова начинались свистки, которым точно отвечали вдали стоны и рычание и вторило оглушительное кваканье лягушек и жаб.

Оба путешественника испытывали неопределенную тревогу, не зная, кому приписать этот странный лесной концерт. Были ли то какие-нибудь опасные животные, собравшиеся поблизости, или все эти звуки не заключали в себе ничего угрожающего. Так или иначе, но они не решались сомкнуть глаз всю ночь, хотя и испытывали страшную усталость. Они смутно припоминали рассказы о чрезвычайно свирепых животных, обитающих в американских лесах, о ягуарах и кугуарах, и, опасаясь каждую минуту появления какого-нибудь хищного зверя, они держали свои ружья наготове.

По временам темноту леса пронизывали какие-то блестящие движущиеся искорки. То были разные светящиеся насекомые, издающие необыкновенно яркий свет, до такой степени сильный, что он бы мог осветить маленькую комнату. Индейцы и теперь еще пользуются ими для рыбной ловли. Они сажают этих насекомых на палку и прикрепляют ее к носу своей пироги, когда выезжают вечером на рыбную ловлю.

Прошло уже два часа с тех пор, как путешественники засели в своем убежище, как вдруг они услышали на близком расстоянии какой-то странный шум, точно шлепание по воде, за которым следовали резкий свист и шипение.

У Гарсия задрожали ноги от страха, и он прошептал:

– Это какое-нибудь огромное животное, сеньор?

– Не знаю. Я ничего не могу рассмотреть дальше кончика своего носа, – отвечал Альваро. – Одно только могу сказать, что с меня довольно бразильского леса и я бы хотел свести более близкое знакомство с этими животными, которые свистят, гремят и стучат, точно молотом по наковальне, трезвонят, как на колокольне, и не дают спать по ночам никому. Спрашиваю себя: как могут спать обитатели этих мест среди такого шума?

– Слышите свист?

– Да. Должно быть, это какая-нибудь гигантская змея.

– О, я ужасно боюсь этих пресмыкающихся, сеньор Альваро! Предпочел бы даже встречу с хищным зверем!

– Надо привыкать, мой бедный мальчуган. Лощман мне рассказывал, что в американских лесах змеи водятся в огромном количестве и бывают притом очень больших размеров.

– Ах, когда же кончится эта ночь? Она мне кажется бесконечной.

как «пишка», которую внешне напоминает. Дерево, на котором растет пинья, – это аннона чешуйчатая (*Annona squamosa*). В природе это небольшое тропическое дерево, высотой до 4–6 метров, с множеством веток.

² *Самаума* (*Samaúma*) – это португальское название тропического дерева *Seiba pentandra* из семейства мальвовые. Дерево способно вырастать до 70 метров в высоту и достигать диаметра ствола 3–4 метра. Продолжительность жизни составляет 300–400 лет. – *Примеч. ред.*

– Закрой глаза и постарайся заснуть. Я посторожу, – сказал ему Альваро.

Спать? Да разве это возможно? Едва только Гарсиа закрыл глаза, как адский концерт возобновился с новой силой и весь лес наполнился звуками. Миллионы лягушек как будто сговорились и устроили такую ужасающую какофонию, которая могла бы разбудить даже мертвого. Американские леса вообще изобилуют земноводными, и все они точно соперничают друг с другом в разнообразии издаваемых ими звуков. Одни из них мычат, точно быки, другие лают, как собаки, или издают звуки, похожие на стук молотков по железному котлу. А те, которые живут на деревьях, свистят, точно локомотивы, или скрипят, как немазанные колеса. Можно себе представить, какой оглушительный концерт происходит в лесной чаще, где обитают несметные количества этих животных.

– Сеньор! – вскричал испуганный Гарсиа. – Что же это такое? Уж не наступает ли конец мира?

– Не пугайся. Это только лягушки.

– Право, можно сказать, что среди них есть собаки, быки, котельщики и пьяницы, распевające песни.

– Мы должны привыкать к этим концертам, если хотим спать по ночам.

– Надеюсь, что мы недолго останемся в этой стране и отправимся куда-нибудь в другое место.

– Я тоже об этом думал.

– Но куда мы пойдем и когда? Я полагаю, вы не имеете ни малейшего желания окончить жизнь в этом лесу?

– Само собой разумеется. Так же как не имею ни малейшего желания окончить свою жизнь на вертеле и жариться в соке бананов и груш.

– Есть тут какие-нибудь европейские поселения, на этом берегу?

– Ни одного. Никому еще до сих пор не приходило в голову селиться в Бразилии, которая принадлежит нам по праву первенства, с тех пор как наш соотечественник Кабраль объявил ее португальским владением.

– Я слышал, будто испанцы завладели в Америке огромными территориями.

– Правда. Но испанские посты находятся очень далеко от нас, и нам нужно было бы пройти всю Южную Америку, чтобы достичь Перу.

– Это очень большое путешествие?

– Громадное. Пришлось бы идти многие тысячи миль через девственные леса, где обитают племена людоедов и всякого рода хищные звери... Я не чувствую в себе достаточно мужества, чтобы предпринять такое путешествие... Но я слышал о каких-то французских поселениях, которые должны находиться где-то на юге Бразилии, вблизи устья реки, называемой Ла-Плата. Надо бы нам попытаться пробраться туда.

– Это также далеко.

– Я знаю, что эта река находится где-то на юге, но не могу тебе сказать, в каком расстоянии от нас.

– Ах, сеньор! Боюсь, что мы никогда не выберемся из этого леса и никогда не увидим больше ни нашей реки Таго, ни лица белого человека! – воскликнул Гарсиа, вздыхая.

– Не надо отчаиваться. Я знаю, что корабли, снаряженные гаврскими негоциантами, много раз отправлялись к берегам Бразилии, за грузом сандалового дерева. Кто знает, быть может, мы повстречаем какое-нибудь судно в этом заливе.

– В таком случае, сеньор, нам не стоит далеко удаляться от этого берега.

– Мы и не будем терять его из виду и будем часто совершать экскурсии на юг и на север этой великолепной бухты... Ну вот и лягушки начали наконец уставать! Воспользуемся этим и отдохнем немного.

– А если какой-нибудь зверь, пользуясь нашим сном, подкрадется к нам?

– До сих пор мы еще не видели здесь никаких других зверей, кроме лягушек и птиц. При том же очень возможно, что немногие мореплаватели, которые приближались к этим берегам, сильно преувеличили свирепость американских зверей... Положим шпаги под руку, а ружья будем держать между коленями и попробуем все-таки уснуть.

Они уселись поудобнее в углублении дерева, прижались друг к другу и действительно скоро уснули, несмотря на все свои страхи.

Лягушки, прокричавшие без умолку часа два, тоже начали затихать. По временам еще раздавался иногда свист или ворчание, но затем все затихло, и в лесу воцарилась тишина.

Рано утром наши путники, проспавшие спокойно около четырех часов, были разбужены другим концертом, правда менее оглушительным, который раздался в листве дерева, служившего им убежищем. Новые музыканты были крошечные попугайчики, с зелеными перышками и головкой цвета бирюзы. Они ни на минуту не переставали чирикать в течение нескольких часов.

– Вставай, Гарсиа! – крикнул Альваро, потягиваясь. – Солнце уже стоит высоко, и до обеда еще далеко, а между тем аппетит мой заметно возрастает.

– Но где же мы найдем обед, сеньор? – спросил Гарсиа.

– Тут должен быть где-нибудь пруд или болото вблизи. Пойдем туда, откуда раздавалось пение лягушек и жаб. За неимением дичи удовольствуемся жареной рыбой.

Путешественники немного подкрепились плодами дерева пинья, переменили заряд ружей, опасаясь, что ночная сырость испортила порох, и, взвалив на себя бочонки, углубились в чащу.

В этом месте лес уже не был так густ, как там, где они проходили накануне. Тут росли гигантские деревья громадной толщины, пальмы вышиной более чем шестьдесят метров, принадлежащие к роду восковых пальм, из ствола и листьев которых выделяется жирное вещество, служащее теперь для фабрикации свеч. Но в те времена индейцы употребляли только плоды этого дерева, в изобилии встречающегося не только в бразильских лесах, но способного произрастать даже на высоте трех тысяч метров, поэтому встречающегося и в Кордильерах.

Альваро, не обращая внимания на красивые гигантские пальмы, польза которых была ему совершенно неизвестна тогда, шел вперед, занятый мыслями об обеде, который все еще оставался очень отдаленным. Почва под его ногами становилась все более сырой, мягкой, и скоро вместо пальм появились тростники громадной величины и болотные растения с красивыми пурпурными цветами, и бесчисленные птички, как большие, так и маленькие очаровательные колибри, поражающие своей красотой и своей миниатюрностью, весело порхали среди этих растений.

– Как они хороши! Посмотрите, сеньор Альваро, ведь они точно разукрашены драгоценными камнями! – вскричал в восторге Гарсиа.

– Да, они восхитительны, но я бы предпочел попугая, – возразил Альваро, думавший об обеде.

– И они тут есть. Взгляните на это дерево.

– Вижу... А это что за отвратительные зверюги, которые шмыгают среди ветвей?..

Это были огромные зеленые ящерицы, длиною около метра, кожа которых обладала свойством менять цвета, когда животное раздражено, точь-в-точь как у африканских хамелеонов. Несмотря на то что эти ящерицы ядовиты, хотя и не в такой степени, как змеи, их мясо употребляется в пищу; оно белое и сочное, как куриное мясо, и вкусом напоминает лягушечьи ножки, столь ценимые французской кухней.

Но Альваро этого не знал, да если бы и знал, то вряд ли захотел бы воспользоваться для обеда этими животными, вид которых возбуждал у него отвращение. Впрочем, он боялся углубляться дальше в чащу. Почва была уже насыщена водой, деревья попадались все реже и реже, так что все признаки указывали на близость болота или озера.

– Вот там вода, – сказал Гарсиа, шедший вперед. – Кажется, тут озеро.

Они замедлили шаги, опасаясь трясины, и остановились на краю обширного озера, сплошь поросшего какими-то болотными растениями с очень широкими листьями, по которым важно разгуливали болотные птицы. Там и сям виднелись крошечные островки с растущими на них пальмами, которые служили обителью многочисленным птицам, наполнявшим воздух своими криками.

– Какая черная вода, – заметил Гарсиа. – Точно туда вылили бочку чернил. Разве тут могут жить рыбы?

Альваро не отвечал. Он с некоторым беспокойством всматривался в маленький островок, поросший тростником, который колыхался, как будто кто-то толкал его.

– Остров шевелится, – сказал Гарсиа. – Он как будто движется. А между тем вода совершенно спокойна и нет ни малейшего ветерка. Что это может быть?.. Уж не индеец ли забрался туда?..

– Да, индеец... с хвостом, которым можно перешибить ноги!.. Вероятно, это какой-нибудь аллигатор или кайман...

– Неужели он несет на спине все эти растения?

– Я слышал, что эти животные время от времени зарываются в ил и довольно долго остаются в состоянии оцепенения, так что растения, произрастающие на дне, часто их совершенно закрывают.

– Они опасны?

– Иногда, но нам нечего его бояться, он движется на середину озера и на нас не обращает внимания... Ах, какие чудесные птички! Попробую пострелять их.

– А звук выстрела? Вы не боитесь, что он привлечет индейцев?

– Тут, по-видимому, их нет.

Стая болотных птиц пролетела шагах в пятидесяти от путешественников, Альваро, зарядивший ружье дробью, выстрелил. Несколько птичек свалились на островок, находившийся вблизи берега. Гарсиа тотчас же пошел за ними в воду, убедившись, что тут очень мелко. Его слишком соблазняла мысль об обеде, чтобы упустить такое жаркое! Но едва он отошел от берега на десять метров, как вдруг закричал так, что у Альваро кровь остановилась в жилах от ужаса:

– Помогите! Помогите!..

Бразильские болота

Болота в Южной Америке в высшей степени опасны, и индейцы прекрасно знают это. Прежде чем решиться пройти через болото, они всегда осторожно исследуют его состав, чтобы не подвергнуться опасности быть засосанным зыбучим песком и мягким илом, образующим дно. Иногда эти болота имеют вид цветущего луга, покрытого роскошной растительностью. Но горе неосторожному человеку или животному, ступившему на мягкий ковер! Он медленно погружается в него, точно в ужасную пропасть, которая все поглощает, и от него ничего не сохраняется, даже скелета, который остается погребенным в иле, пока окончательно не распадется в нем.

Гарсиа, никогда не слыхавший ни о зыбучих песках, ни о предательских лугах Южной Америки, попал как раз на такое зыбучее дно и сразу погрузился в него почти до колен.

Альваро, думавший, что на него напал кайман, хотел броситься на помощь, но юнга остановил его криком:

– Нет-нет, не ходите!.. Вы так же провалитесь!

Альваро тотчас же понял опасность, так как и у него под ногами почва стала уступать. Но он не хотел, конечно, оставить без помощи своего товарища, который погружался на его глазах. Стараясь освободиться, Гарсиа делал отчаянные движения, которые только ускоряли поглощение.

– Не шевелись, Гарсиа! – крикнул ему Альваро.

Быстро развязав крепкую веревку, обмотанную у него вокруг пояса, он бросил ее конец несчастному мальчику, который погрузился почти по грудь.

– Хватай и держись! – крикнул он ему.

Гарсиа не потерял присутствия духа и тотчас же, обмотав веревку вокруг своего туловища, завязал ее крепким морским узлом. Альваро, держа другой конец веревки, взобрался на более возвышенную часть берега и крикнул:

– Держись крепче, я буду тащить!

Обвязав веревку вокруг дерева, Альваро изо всей силы дернул ее и вытащил мальчика из ужасной могилы, которая уже готовилась сомкнуться над его головой.

Гарсиа не решался делать ни одного движения в подмогу Альваро, опасаясь, что дно снова разверзнется под ним. Альваро тащил его как куль, и он уже коснулся берега, когда вдруг вода зашевелилась и со дна поднялся ил. Вместе с этим послышался резкий свист.

– Сеньор Альваро, землетрясение! – крикнул испуганный Гарсиа.

Громадная змея внезапно показалась среди тростника и водяных растений, поднимая движениями своего гигантского хвоста громадные массы воды и ила. Это было одно из самых ужасных с виду пресмыкающихся, обитающих в саваннах Бразилии, хотя, по существу, и менее опасное, нежели гремучая змея или кобра-ди-капелла³. Очевидно, юнга своими отчаянными движениями, приводившими в сотрясение дно болота, пробудил змею от сна, и она, выпрямившись и бешено свистя, уставилась своими горящими глазами на путешественников.

Но Альваро не растерялся. Он вытащил на берег мальчика и затем зарядил ружье.

Змея была не только раздражена тем, что нарушили ее покой. Она, очевидно, была голодна и поэтому прямо направилась на людей, ясно намереваясь атаковать.

– Скорее, сеньор Альваро, стреляйте! Не то она проглотит нас обоих! – крикнул Гарсиа, бросаясь к своему ружью.

Альваро прицелился и выстрелил.

³ Кобра-ди-капелло – очковая змея.

Змея, раненная немного ниже головы, начала судорожно извиваться, свистя и выбрасывая из пасти пену и кровь. Она бешено била хвостом, поднимая целые фонтаны жидкого ила, и наконец, сделав последнее усилие, бросилась на берег, в нескольких шагах от португальца.

– Дай свое ружье, Гарсиа! – крикнул Альваро.

Гарсиа уже зарядил его и передал Альваро.

Змея свернулась и уже собралась обвить своим мощным телом ноги португальца и сдвинуть его в своих кольцах, но он вовремя заметил опасность. Отскочив в сторону, Альваро выстрелил почти в упор, раздробив голову чудовищу.

Но даже с раздробленной головой змея, подскочив, сломала верхушку пальмы, растущей поблизости, потом упала на землю и осталась неподвижной.

– Черт возьми! – воскликнул Альваро, сильно побледнев. – Я уж думал, что она нас раздавит, как пару бисквитов. Никогда не воображал, что на земле могут водиться такие громадные пресмыкающиеся... и такие страшные!

Эта змея, одно из самых гигантских пресмыкающихся, водящихся в бразильских саваннах, имела в длину около двенадцати метров и толщиной с среднего сложения человеком.

– Какая громада! – воскликнул Гарсиа, все еще не оправившийся от испуга.

– Такая змея может целиком проглотить человека и даже не заболеет несварением желудка. Должно быть, это она так страшно свистела ночью и била хвостом по воде... Однако мы потратили два выстрела и не получили обеда!

– Я больше не решусь отправиться за ним, – отвечал Гарсиа, содрогаясь. – Я не знал, какое дно у этих болотных озер.

– Поищем что-нибудь другое, – успокоил его Альваро. – Постой, ведь мы пришли сюда, чтоб половить рыбы!

– Сеньор! – вдруг вскричал Гарсиа. – Взгляните-ка туда. Ведь это, кажется, лодочка?

– Где ты ее видишь?

– Там, на берегу, среди болотных растений.

– Неужели сюда заходят индейцы? – Альваро бросил тревожный взгляд на тростники и лесную чащу. – Ведь если тут лодка, значит кто-то приходит сюда ловить рыбу! Что ты на это скажешь, Гарсиа?

– Я скажу, что мы должны воспользоваться этой лодочкой и отправиться на ней за дичью, которую подстрелили.

– И потом ее зажарить, не так ли?

– Да, и сделать это на одном из этих островков, чтобы индейцы не могли нас захватить врасплох.

– К лодке! – вскричал Альваро, которому понравилась мысль переехать на этой лодке озеро и таким образом удалиться от южной части залива, посещаемого людоедами.

Путешественники прошли расстояние, отделяющее их от чащи водяных растений, где находилась лодка. Они подвигались осторожно, прячась в кустах, так как поблизости могли находиться дикари. Но все прошло благополучно, и они добрались до челнока, лежащего в тине.

Это была маленькая лодочка, выдолбленная из ствола пробкового дерева, очень старая и пришедшая в полную негодность. Она была полна водой.

– Думаешь, ее можно исправить? – спросил Альваро.

– Она в очень плохом состоянии, – отвечал юнга. – Нужна пакля и смола. Я думаю, что дно ее стало похоже на решето.

– Мы найдем в лесу и смолу, и паклю. Я видел, когда мы проходили, растение, ствол которого будто покрыт волосами. Они могли бы нам заменить паклю.

– Но на исправление потребуется время.

– У нас хватит терпения.

– Да, а наш знаменитый обед, сеньор?

– Что ж, удовольствуемся пока фруктами или же попробуем подстрелить попугаев...

Пойдем же в лес, Гарсиа.

Они уже повернули назад, когда вдруг где-то вблизи раздался протяжный стон.

– Кто это тут вопит? – спросил Альваро, оглядываясь.

– Не вижу никого, сеньор, – отвечал Гарсиа.

– Может быть, это какая-нибудь обезьяна забавляется? Не удивляюсь, если это так! Обезьяны, живущие в этих лесах, иногда очень странно кричат.

Новый крик, еще более жалобный, еще более зловещий, раздался недалеко, и на этот раз он, казалось, исходил откуда-то сверху. Альваро и Гарсиа подняли глаза и посмотрели на ветви шиповника, растущего поблизости, плоды которого были уже все съедены. Они увидели какое-то странное животное, покрытое длинной серовато-желтой шерстью, свернувшееся клубком на конце ветки и свесившее вниз очень длинный хвост.

– Вот тебе котлетка! – воскликнул Альваро. – Каково бы ни было это животное, я постараюсь не упустить его и сделаю из него жаркое. Только бы оно не убежало от нас!

– Кажется, оно не имеет такого намерения!

Действительно, это странное животное сидело, свернувшись на ветке, не шевелясь и не делая никакой попытки бежать при приближении людей. Оно продолжало издавать жалобные крики: «Аи... аи...», чуть-чуть шевеля опущенным хвостом.

– Уж не сломаны ли у него лапы? – заметил Гарсиа. – Обезьяна не стала бы сидеть так неподвижно и ждать, пока к ней подберутся враги.

– Обезьяна это или нет, но во всяком случае мы состряпаем из нее обед, – сказал Альваро.

Он подошел к невысокому дереву, на котором сидело странное животное, и с удивлением наблюдал за ним, думая, что его бегству мешает какое-нибудь серьезное ранение. Однако он скоро убедился, что животное не имело никаких повреждений.

– Что же это значит? Попробуем-ка его свалить! – сказал он.

Альваро начал раскачивать дерево, толщина ствола которого не превышала толщины руки человека. Напрасный труд! Зверек точно прилип к ветке, и свой гнев на беспокойство выражало только жалобными криками: «Аи! Аи!»

– Придется самому лезть на дерево! – воскликнул Альваро и быстро взобрался по стволу, держа в одной руке топор. Животное, увидя его так близко, зашипело, точно разгневанный кот, и шерсть у него поднялась дыбом. И тем не менее оно не выпустило ветки, за которую уцепилось когтями. Альваро ничего не стоило раздробить ему голову ударом топора и сбросить на землю.

Это было животное, известное у бразильцев под именем «аи» вследствие издаваемого им жалобного крика; оно называется также ленивцем, так как движения его медленны и ленивы. Альваро, конечно, предпочел бы другое жаркое, но пришлось примириться и с этим, за неимением лучшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.